

Александр Александрович Бушков

На то и волки

Серия «Шантарский цикл»

Серия «На то и волки», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118613
На то и волки: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-03102-8*

Аннотация

Главный герой романа «На то и волки» Данил Черский – бывший телохранитель Брежнева, а ныне начальник охраны одной из крупнейших фирм в городе Шантарске. Матерый волк, которого опасно пытаться загнать в угол...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	19
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Бушков

На то и волки

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «На то и волки» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© А. А. Бушков, 1999

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

* * *

Действующие лица романа вымышлены. Всякое совпадение с реальными лицами и ситуациями – не более чем случайность, порожденная фантазмагориями нашего времени, когда грань меж выдумкой и жизнью решительно стерта. АО «Интеркрайт», равно как и некоторые изображенные в романе федеральные структуры, – не более чем авторский вымысел. То же самое относится и к несуществующему президентскому указу «двадцать-двенадцать».

Автор выражает искреннюю благодарность всем, кто оказал неоценимую помощь в работе над романом, не стремясь при этом к известности и не ища выгод.

Александр Бушков

Пролог

1950, август

Ветер раскачивал ели как легкие прутики, все небо было затянуто облаками, так что не удалось бы разглядеть ни единой звезды. И эта погода показалась Императору идеально подходившей для задуманного.

Сталин задумчиво потянулся к черно-зеленой пачке «Герцеговины Флор», указательным пальцем поднял крышку, достал две папиросы и выкрошил их в трубку, привычно отрывая прозрачную бумагу – косо, по спирали. Примял табак, поднес спичку. Вновь подошел к окну. Несколько минут смотрел в ночь, не в силах признаться самому себе, что набирается решимости, словно самый обыкновенный человек.

Но он и в самом деле набирался решимости. Он обладал властью, заставившей бы умереть от зависти всех императоров прошлого. Но эта власть касалась исключительно глобальных дел. Он мог наводнить Европу танковыми армадами, мог послать миллионы китайцев на юг, к Сеулу, арестовать и казнить любого обитателя доброй половины земного шара, однако сейчас ему приходилось полностью полагаться на высокого моложавого полковника МГБ. Полковник заверял, что эти двое абсолютно надежны. И оставалось одно – верить ему. Потому что проверить товарищ Сталин не мог. Никак. Пришлось бы доверяться опять-таки проверяющим...

Он бесшумно, как рысь, прошел к столу и тронул кнопку звонка. Дубовая дверь распахнулась почти мгновенно. Поскребышев сделал два шага в кабинет и остановился – безукоризненная гимнастерка без единой складки, бритая наголо голова, тяжелый взгляд человека, насыщенного тайнами, как губка – водой.

Сталин молча опустил веки.

Вошли двое офицеров с синими просветами и синими кантами МГБ на золотых погонах. Двигаясь невероятно слаженно и четко, остановились на полпути между дверью и столом. Замерли, вытянув руки по швам. В правой руке каждый держал большой синий конверт, прошнурованный и запечатанный. Высокий блондин с простоватым славянским лицом, чем-то крайне напоминавший киноартиста Охлопкова в молодые годы, и узкоглазый, черноволосый азиатский человек, на голову пониже напарника.

Высокая дверь бесшумно закрылась за Поскребышевым. Сталин подошел ближе, держа погасшую трубку в опущенной руке, и долго разглядывал обоих желтыми тигриными глазами – его знаменитый магнетический взгляд, которого однажды не выдержал даже старая лиса Черчилль. Потомок герцогов самонадеянно решил было встретить Императора сидя, однако не выдержал, вскочил, вытягиваясь в струнку, словно юный кадет, подсознательно почуяв, что герцоги все же обязаны склоняться перед императорами...

Ни один из офицеров не опустил глаз, не отвел взгляда. И Сталину это понравилось. Холуев он терпел и принужден был ими пользоваться, как всякий владыка, но – не любил. Вот и сейчас для задуманного холуи совершенно не годились...

– Итак... – сказал он, постаравшись, чтобы голос звучал мягко, по-домашнему. – Майор Безруких... из староверов. Из старинной староверской фамилии.

– Товарищ Сталин...

– Торопитесь заверить товарища Сталина, что вы неверующий? Может, это и правильно, что вы неверующий. А может, и нет... Товарищ Сталин когда-то сам был семинаристом... – он чуть заметно улыбнулся. – С тех пор многое переменилось и в стране, и в товарище Сталине, но товарищ Сталин, скажу вам откровенно, не забывает и о чисто разведывательном аспекте проблемы – поскольку существование Господа Бога пока что невозможно проверить агентурно-оперативными методами, право на существование имеют все

без исключения версии... – Он перевел взгляд на черноволосого крепыша. – Капитан Цеден-саргол, тохарец... Это правда, что тохарцев когда-то называли эллинами Центральной Азии?

– Да, товарищ Сталин.

– И как по-вашему, заслуженно?

– Мне, как военному человеку, судить трудно...

– А вы не стесняйтесь, – сказал Сталин тихо. – Найдите такую точку зрения, что позволит и вспомнить о национальной гордости, и не впасть в национализм... Один из древнейших в Азии алфавитов, библиотеки, буддийская культура... Ваш дед, что был настоятелем дацана, отвечал бы на схожий вопрос не столь неопределенно, верно? Вот видите... Итак. Прибыли для выполнения особо важного задания. Сироты. Детдомовцы. Так сложилось. Совершенно одинокие, неженатые, невест нет... у товарища Сталина правильные данные?

Оба молча склонили головы.

– Если вам случалось когда-нибудь читать биографию товарища Сталина, вы, возможно, вспомните, что он отбывал ссылку в Сибири, – сказал диктатор с той же мимолетной улыбкой. – С тохарцами ему встречаться не доводилось, но он о них наслышан. А вот сибирские староверы... Товарищ Сталин узнал их достаточно, чтобы понять раз и навсегда: это люди из камня. Или железа. Попадись они одному коммунистическому поэту, он непременно наделал бы из них гвоздей – было у человека такое неистребимое желание. Но из железа делают еще и замки...

Сталин приблизился к ним, вынул у обоих из рук конверты, выдвинул ящик стола, швырнул их туда и тихо задвинул. Разжег трубку и подошел к офицерам почти вплотную.

– И вам, конечно, следует узнать, что вы должны делать... – сказал он тихо. – Ваше задание будет заключаться как раз в том, чтобы ничего не делать. Ничего. Поскольку мы материалисты, согласимся, что покойник ничего не способен делать... Вас, товарищ Безруких и товарищ Цеден-саргол, вот уже два часа нет на свете. Вы ехали на автомашине марки «Победа», на служебной машине, оба выпили много водки, превысили скорость, вылетели на обочину, разбились и сгорели. Где это произошло, я точно не помню, да и вам это должно быть неинтересно. Главное, начальство решило замаять эту прискорбную аварию, товарищей Безруких и Цеден-саргола быстренько похоронят и постараются тотчас же забыть. И никто не узнает, что оба они вопреки диалектическому материализму начали загробную жизнь – а тот, кто знает, никогда не проговорится. Садитесь, товарищи покойники. Разговор о вашей загробной жизни будет долгий...

ГОД НЫНЕШНИЙ, ЛЕТО

Глава первая

Рассвет

Собака «гуляет носом».

Эту простую истину знает каждый опытный собачник, чей питомец на прогулке старательно распутывает, уткнувшись носом в землю, невидимые следы. При некотором напряжении фантазии хозяин, если он романтического склада, может вообразить себя пограничником Карацупой или, что современнее (кто теперь помнит Карацупу?), милягой Джеймсом Белуши с его четвероногим напарником по кличке К-9.

Рассвет еще не наступил, собственно говоря, и в полускверике-полулесочке стояла серая марь, плотная между деревьями и реденькая на полянах. Гранд с ней порой прямо-таки сливался – серый жизнерадостный дождик семи месяцев от роду. Он чуть настороженно, как всегда в эту пору, скользил между деревьями на голенастых лапах, а кандидат наук Ситников поспешал за ним, зорко следя, чтобы песик не сунулся в битое стекло, раскиданное здесь в изобилии.

Кандидаты биологических наук бывают разные. Попадаются вполне практичные мужики, вовремя перешедшие из биологов в «челноки», сколотившие на приличную подержанную «Тойоту» и потаенно оборудовавшие квартиру любовнице. Или оставшиеся в биологах, но привалившиеся под бочок к зарубежному партнеру в рамках СП, благо иные отрасли биологии вполне позволяют при умении крутиться зашибить зелененьких.

Только больше все-таки затраченных жизнью. Из тех, что кое-как еще зарабатывают, но жизнь получается насквозь серая и скучная. Ситников был как раз из последних. Денег хватало и на жизнь, и на дождик Гранда, но к бурлящей вокруг жизни кандидат порой испытывал тоскливый ужас, поскольку совершенно перед ней оробел и растерялся.

Хочется хоть как-то самоутвердиться, понятно. Ситников, поспешая посреди жидковатого тумана, сунул руку в карман ветровки, тронул холодный тяжелый маленький пистолетик. Пистолетик весьма даже придавал уверенности – газовая пятизарядочка «Перфекта». На большее денег не хватило. Правда, любезный по-современному продавец не сказал, что из этой пятизарядки лучше всего стрелять тараканов – для пущей надежности избитых да связанных. В отделе регистрации РОВД тоже не стали разочаровывать клиента – взяли денежку, выдали бумажку, да ухмыльнулись в спину – чем бы кандидаты ни тешились... Но сам Ситников стал гораздо увереннее, гордо проходя мимо поддавших бичей с таким видом, словно он и впрямь Сильвестр Сталлоне и в кармане у него килограммовый кольт.

Гранд вдруг бросился к кустам, мелькнул хвост-сабля, дождик спиной вперед вылез на открытое место, вновь кинулся туда, вновь попятился и не залаял – жалобно взвыл. Сердце у Ситникова упало. Так и знал, что когда-нибудь пес рассадит лапу – на битых бутылках, на крышках от кое-как вскрытых консервных банок и прочем мусоре, щедро набросанном алкашами.

Нет, кажется, все не так плохо – Гранд не поджимал лапу, прочно стоял всеми четырьмя, неумело встопорщив затылок, пытался то ли рычать, то ли взвыть. Ситников уже разглядел видневшуюся между кустами руку. Обычное дело: кто-то накушавшийся здесь и прикорнул. Можно было свистнуть Гранда, чтобы в самом деле не порезался (там наверняка полно всякой дряни), и преспокойно уйти. Но кандидат в приливе смелости, вызванной оттянувшей карман германской игрушкой, решил хоть раз показать себя крутым мужиком. Он оттянул затвор, загнав в ствол крохотный бледно-желтый патрончик, сдвинул большим пальцем пупышку предохранителя и шагнул вперед.

Успел еще подумать, что рука почему-то очень уж белая. А потом и думать стало некогда в приливе ужаса.

Человек лежал лицом вверх, уставясь широко раскрытыми глазами на верхушки кустов. Светлая куртка вся в застывших темно-красных потеках, и из живота торчит черная рукоятка ножа. И тишина вокруг, словно весь мир вымер...

Секунд через пять кандидат Ситников понял наконец, что все это на самом деле, что перед ним труп. И, неизвестно какими чувствами гонимый, то ли побежал, то ли неуклюже потрусил назад, даже не к своему дому, куда глаза глядят, пытаясь вспомнить, что в таких случаях надо делать. Гранд, гавкая от восторга, выписывал круги. Потом где-то на уровне пояса бабахнуло, в ноздри полезла вонючая резь – это кандидат нечаянно даванул пластмассовый спуск.

Он пробежал еще метров пять, уворачиваясь от газа, трясущейся рукой поставил «Перфекту» на предохранитель, запихнул в карман и замер в полном расстройстве мыслей и чувств. И торчал так посреди полянки, пока его не спросили громко, даже чуточку равнодушно:

– Чего воюем, мужик?

Ситников растерянно завертел головой – а они оказались сзади. Оба в непривычной для кандидата омовской форме, один как бы небрежно держал кандидата под прицелом коротенького автомата, а второй стоял с незанятыми руками.

В кандидата впервые целились из огнестрельного оружия, и потому он, собственно, даже и не испугался, только появилось сумрачное, невесомое ощущение полной нереальности всего происходящего.

– Собачку на поводок возьми, – сказал тот, что стоял с незанятыми руками.

Поводок, оказалось, так и зажат в левой руке. Пока Ситников, дрожа всем телом, пытался обеими руками защелкнуть на кольцо ошейника карабин-трубку, омовец как-то неувовимо оказался с ним рядом, запустил руку в карман и вытащил «Перфекту», в присутствии автомата совершенно не смотревшуюся. Нюхнул дуло, резко отдернул голову, мельком глянул на ствол:

– Ну, номер есть... – и опустил пистолет в свой просторный карман бушлата.

– У меня разрешение... – заикнулся кандидат.

– Проверим. Вернем. У-ти-какой... – омовец сделал двумя пальцами «козу» совершенно спокойному Гранду и спросил: – Ну, так чего это мы бежим и стреляем? Обидел кто? Или как?

– Там мертвый... С ножом... – Ситникова была такая дрожь, что он плохо соображал, в какую сторону показать. Едва сообразил.

Второй, наконец оценив ситуацию, автомат опустил и подошел ближе:

– С ножом – это как? В руке нож или в спине?

– Вот так торчит... – кандидат потыкал себя пониже грудины указательным пальцем.

– Ну, тогда веди, Сусанин, да не сбейся, – и тот, что с автоматом, бросил напарнику: – Говорил же тебе – не загадывай. «Кончили патруль, кончили...»

– Может, пьяный.

– А ты на Сусанина погляди...

До места дошли быстро – оказывается, кандидат пробежал всего ничего. Оба даже не стали подходить близко – глянули метров с трех, и тот, что с автоматом, покачал головой:

– Точно. Жмурик. Ну и зачем ты его, мужик, зарезал?

– Да ладно тебе, Колян, – сказал напарник. – Еще инфаркт мужика дернет... – Он подошел ближе, сел на корточки, коснулся белой руки. Обернулся, не вставая. – Вы его, гражданин хороший, конечно, не резали. А если и резали, так не сейчас, рука уже захладела, кровь подсохла, и была эта разборка часов пять назад, абы не шесть... Колян, кричи в матюгаль-

ничек... Стоп! Иди-ка сюда! – он поманил Ситникова. – Все равно быть свидетелем по всей форме, так что смотри во все глаза. Что у него под правой рукой?

Ситников присмотрелся:

– Пистолет...

Там и в самом деле лежал маленький пистолет, но совсем другой, куда там кандидатской игрушке. Пистолет как-то так отсвечивал черным матовым блеском, убедительно и серьезно, что даже несведущему человеку сразу становилось ясно: он настоящий и боевой...

– ППК? – сказал тот, что без автомата.

– Ага, – сказал напарник. – Или «Эрма», там же моделей до хрена, под вид «Вальтерочка»... А карманы-то вывернуты, и вокруг на земле купюры, очень даже крупные... Значит, что? На заказное напоролись?

– Я в газете читал, что заказное – это когда из пистолета с глушителем... – заикнулся было Ситников, чтобы только не стоять столбом и не чувствовать себя раздавленным напрочь.

– Это можно и авторучкой, – задумчиво сказал омовец с автоматом. – Если знать, куда эту авторучку вогнать... Так-то вот, Сусанин... – он внимательно оглядел Ситникова и отступил на шаг. – Эй, эй, ты хоть отвернись, а то на собственную собачку рыганешь!

Ситников едва успел отвернуться и от них, и от Гранда. Все, что нашлось в желудке, рванулось наружу, пачкая рот кислым.

За спиной у него уже трещала рация:

– Я пятый, пятый. Северо-Восточный, шестнадцатый квадрат. Где лесочек. У нас «холодный», серьезный «холодный»...

Глава вторая

Самый безобидный

...Толпа смыкалась вокруг, как многотонная неотвратимая волна прибоя, люди карабкались на леса вокруг недостроенных самолетов. Профессионально отточенное за все эти годы чувство опасности готово было перелиться в панический ужас, а Брежнев вышагивал как ни в чем не бывало, отмахиваясь от склонявшихся к его уху то генерала Рябенко, то других «прикрепленных».

Прошли под крылом. Над головой топот, шарканье – рабочие продвигались по платформам следом за ними, а те, что вокруг, подступили совсем близко, и Данил, ухватившись за руки напарников, едва сдерживал напор, с ненавистью глядя в эти ошалевшие от любопытства, возбужденные лица ни в чем не виноватых людей. Ремень кобуры пополз с плеча, комкая полу пиджака, съехавший пиджак запеленал руку, Данил попытался резко дернуть плечом вверх, но Северцев тянул его в ту же сторону, влево, и ничего не выходило...

Пронзительный скрежет! Рухнула площадка, протянувшаяся во всю длину самолета! Крики, оханье... Вывернув голову, Данил увидел, как Медведев и с ним человек пять местных, напрягаясь что было мочи, удерживают площадку на весу, а люди, скользя по доскам, падают им прямо на головы. Встает сбитый Рашидов, еще кто-то, поднимают Брежнева, и у него течет кровь по щеке, рядом вопит Паша, чуть ли не прижимая «уоки-токи» к губам:

– Машины в цех! Прямо в цех!

И каким-то чудом слух выхватывает из гомона негромкий голос Брежнева:

– Могу идти, могу. Ключицу вот больно...

Толпа напирает. У входа в цех оглушительно взывают сирены, но машины пробиться не могут. Промелькнул генерал Рябенко – размахивая пистолетом, пробивает дорогу. Цепочка телохранителей распалась, все стягиваются к Брежневу, выстраивая «клин».

И тут Данил, бросив мимолетный взгляд назад, видит, как высокая стойка шасси переламывается, медленно, словно бы даже картинно – и белоснежный, еще неокрашенный фюзеляж, зияя пустыми глазницами окон, заваливается беззвучно, жутко, плавно прямо на генсека и ближайших к нему, и никто этого не видит, кроме Данила, он разевает рот, но крика нет, хочет развернуться к Брежневу и за руку рвануть его подальше, но тело не повинует, и никак не удается прокатать, которую ключицу повредило объекту... Двигаясь невероятно медленно, заходясь смертной тоской от этой несвободы тренированного тела, он все же хватает наконец широкую ладонь генсека, дергает...

И отрывает Брежневу руку. Крови почему-то нет ни капли, пучок тонких белых нитей тянется от плеча за оторванной рукой, пока не обрывается напрочь.

Пистолет Рябенко, направленный теперь на Данила, выпускает длинную оглушительную очередь...

Данил медленно вынырнул из кошмара, словно из вязкой тины. Полежал пару секунд, прочно привязывая себя к реальности – пока не понял, что он проснулся, что все привиделось, что в Ташкенте в марте восемьдесят второго все так и было, кроме падающего самолета и оторванной руки, конечно...

Звонок надрывался – это и была привидевшаяся во сне очередь. Ольга безмятежно посапывала, уткнув лицо в подушку, ее такие мелочи не будили до срока, бесполезно, в чем ей Данил по-черному завидовал.

Звонили так старательно и настырно, что стало ясно – не уйдут.

– Даже интересно. Кто ходит в гости по утрам?... – сказал он сам себе, опуская босые ноги на пол и натягивая пестрополосные адидасовские портки. – Кому это мы понадобились

в... – покосился на «Ориент» с зеленым циферблатом, неуловимо намекавшим колерами на нечто армейское, оттого-то часы и были куплены, – в восьмом часу утра, понимаете ли?..

Звонок надрывался. Данил вышел в прихожую и прильнул к панорамному глазку. Глазок был устроен на манер перископа, так что, вздумай кто снаружи приставить к нему дуло и выпалить, ничего бы не достиг – не та была дверь.

Правой рукой, не глядя, сбил щелчком со столика газету и мимолетно пробежался кончиками пальцев по рукояткам газового «Браунинга» и боевого ПСМ. И убрал руку.

Похоже, в гости пожаловали власти. По-американски говоря, Law and order.¹

Тот, что звонил не отнимая пальца, был в рыжеватой кожанке, определенно гонконгской, застегнутой не доверху, так что виднелась милицейская рубашка с темно-сизым галстуком. А за спиной у него, рассредоточившись, стояли трое в серых бушлатах, двое с автоматами, один просто так, с пустыми руками и бравым видом.

– Замели менты нашу черешню... – проворчал Данил, спокойно протянул руку, сгреб бастал, не глядя, черный пенальчик рации с толстой кольчатой антенной, нажал кнопки.

Секунд через десять откликнулись:

– Пятый. Дежурный пост.

– Барс, – сказал Данил. – Звонят в дверь. Милиция. Четверо. Я открываю.

– Высылать ребят?

– Я бы так и сказал... Обойдусь.

Конечно, они могли оказаться переодетыми мочилами. Такую форму, с какими угодно погонами, понимающий человек при наличии энной суммы раздобудет быстро. Вплоть до полковничьей, с генеральской, понятно, похуже, тут придется подсуетиться.

И все же – если в каждом прохожем видеть врага, а в каждом мундирном переодетого, проживешь, быть может, и долго, но цены тебе как спецу не будет никакой...

Однако дверной цепочки он не снял, понятно. Береженого Бог бережет. Чуть приоткрыл дверь, выглянул и сделал удивленно-вопрошающее лицо. В конце концов он был честным и законопослушным гражданином. Почти.

К самому его лицу вспорхнула и распахнулась красная книжечка:

– Старший лейтенант Клебанов. Управление по борьбе с организованной преступностью.

– Ох, давно я не грабил банков... – сказал Данил, ненаигранно зевая. – Чем обязан, чем могу? Ну не было меня там, кого хошь спросите...

– Войти можно?

– А зачем?

– Узнаете.

– Гражданин начальник, – сказал Данил проникновенно, – а не найдется ли у вас листочка бумаги по кличке «ордер» с корявой росписью прокурора? Согласен на районного.

– Мне просто нужно с вами поговорить.

– Тогда извините, – сказал Данил не то чтобы злясь, но испытывая некоторое раздражение. – Тогда уж придется все сделать именно так, как вы честным гражданам и советуете через органы печати... – он взял с холодильника радиотелефон, набрал один из знакомых номеров. – С кем я говорю? Очень приятно, майор Первухин. Я тоже майор, но в отставке, знаете ли. Беспокоит вас гражданин Черский, проживающий на Малиновского, сорок пять, двадцать два. Ко мне позвонили в дверь милые молодые люди с автоматами и удостоверениями. Трезвый, клянусь как майор майору, вот только зол спросонья... Есть ли у вас в УОП старший лейтенант Клебанов в рыжеватой кожанке, и где он в данный момент находится?

¹ «Закон и порядок», англ.

Видите ли, они хотят войти, а я запуган криминогенной обстановкой. Да не умничаю я, запуган. Может, мне тогда Ладыженскому позвонить? Есть? Камень с души...

Вообще-то преспокойно можно было и не пускать. Перебьются. Но когда имеешь дело с неким неизвестным уравнением, проще и выгоднее сразу его расшифровать, не добавляя иксов с прочими играками...

– Вы – есть, – сказал Данил, снимая цепочку. – И поскольку люди мы законопослушные в любое время суток – прошу. Только не стреляйте в потолок, это лишнее.

Ребята были ученые, Данил оценил – не ломанулись в прихожую, как быки, но как-то исключительно ловко, грациозно даже, не мешая друг другу, просочились, окружили, один моментально прибрал со столика стволы, автоматчик прянул в угол, чтобы при нужде прошить оттуда все пространство парой-тройкой точных очередей, второй, сделав два изящных пируэта, оказался в комнате. И все равно Данил успел бы хорошо и качественно сыграть с ними в грубую игру «То не досточки, а косточки хрустят»...

Клебанов остановился перед ним. Молодой, не дотянул еще до тридцатника, узколицый, губы сжаты. Поморить голодом недельку, надеть буденовку – получится вылитый Мальчиш-Кибальчиш со всей своей юношеской преданностью идее. Не сказать, что неприятен на вид, но такие лица чаще всего бывают у идеалистов и фанатиков, а эта публика, несмотря на все свои положительные стороны, обладает и массой отрицательных. И когда ты им попадаешься на зубок, освободиться от них даже труднее, чем от откровенной сволочи, от идеалистов-то...

– Вы пистолетики-то назад положите, – сказал Данил, шумно почесав под мышкой. – У меня на них все документы выправлены, скажу по секрету.

– А взглянуть можно?

Все было сложено в черном кожаном футляре типа бумажника, лежал он тут же, на столике, оставалось только протянуть руку. Что Данил и сделал.

Мальчиш-Кибальчиш, что интересно, прежде всего схватился за паспорт. Беглым опытным взглядом сравнил фото со взлохмаченным оригиналом:

– Данила Петрович Черский...

– Ага. Но улица, на которой стоит ваше областное управление, названа, увы, не в мою честь. Географ Черский – однофамилец, хотя я не исключаю, что может оказаться седьмой водой на киселе. Некоторые источники гласят, что они с моим прадедом происходят из одних и тех же мест, а это позволяет надеяться...

– Чем трудитесь?

– Головой, – сказал Данил. – Вон там написано. Черное удостоверение с красивой эмблемкой.

– А все же?

– Начальник службы безопасности АО «Интеркрайт».

– «Интеркрайт»... За бугор – лес с никелем, а оттуда – печеночки с колготками?

«Да ты, милый, с какого дерева слез?» – чуть не спросил Данил прямо, но промолчал. Хотя Мальчиш-Кибальчиш, бросивший свою реплику вполне серьезно, так и просился в анекдот из «ментовской» серии. Возможно ли, чтобы шантарский мент, офицер к тому же, путал фирму «Интеркрайт» с каким-нибудь коммерческим ларьком «Васька энд компани»? Или он так шутит?

– Это вы нас с кем-то путаете, – сказал Данил безмятежно. – Мы немножко посерьезнее будем...

– А до того где трудились?

Тот, что был без автомата, заинтересованно таращился на украшавшую стену увеличенную фотографию. Данил из любезности зажег свет и показал пальцем:

– Вот это – Брежнев. Это – Джимми Картер. Полковник Медведев. А вон тот, скромненький, – я в молодости.

Мент без автомата прямо-таки на него вылупился:

– А правда, что у Брежнева было три «роллс-ройса»?

– Происки буржуазной пропаганды, – сказал Данил. – Один-единственный. Подарили, что делать. Вот если бы вам подарили, вы так и отказались бы?

Клебанов мотнул головой – и троица его верных сподвижников улетучилась на лестницу, слышно было, как они спускаются, оживленно обсуждая, поддельная фотка или нет.

– Когда ушли?

– В девяносто третьем, – сказал Данил.

– А почему?

– Тут плотют больше, – ответил Данил с видом самым простецким. – А забот поменьше.

– То-то и оно.

– Послушайте, хороший мой, – сказал Данил. – Нету у меня ни трупа в шифоньере, ни героина в чайнике. Ну нету, что поделать. Я на вас не наезжаю, но и вы уж на меня не наезжайте ранней порой... Что стряслось? Макашов сделал переворот, решено насчет сэров и пэров, и нас всех незамедлительно искореняют как класс?

– Ох, я б вас искоренил... – сказал Клебанов.

«Точно, идеалист», – подумал Данил.

– Кто там спит? Жена?

– Можно сказать, что почти, но я бы так говорить не торопился... А вы как провели сегодняшнюю ночь – с женщиной или со служебным рвением?

Клебанов, пропустив это мимо ушей, сказал бесстрастно:

– Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

– После столь классической фразы я не в силах вам сопротивляться, противный... – сказал Данил, откровенно скалясь. – Пройдем в кухню?

– Пройдем, – Клебанов спокойно двинулся за ним.

В кухне Данил набулькал себе полную чашку вчерашнего стылого кофе и выцедил сквозь зубы не спеша. Вежливости ради поинтересовался:

– Хотите? Попросту, без церемоний.

Старлей мотнул головой.

«А кофейку-то хочется, – подумал Данил, – вон кадычок непроизвольно дернулся, а баночка прямо перед тобой стоит, и сразу видно, что не ширпотреб, каким забиты комки... Ну, держи фасон, коли охота. Я бы на твоём месте тоже держал, стоял бы этак вот гордо и неsgiбаемо...»

Из комнаты не доносилось ни звука – Ольга безмятежно дрыхла. Данил выудил из пачки сигарету, щелкнул настоящей «Зиппо», затянулся и спросил:

– Итак? Сегодня будний день, время не терпит...

Клебанов положил на стол небольшую желтую папочку из кожзаменителя и извлек оттуда белую карточку размером с визитку. Там ничего не было, кроме номера телефона.

– Это ваш домашний телефон?

– Мой, – сказал Данил, мгновенно напрягшись и отменяя всякое ерничанье.

– А у кого такая карточка может оказаться?

– Вам что, нужен полный список?

– Приблизительно.

– У нескольких десятков человек. Обоёго пола.

– А зачем?

– Бывают коллизии, – сказал Данил. – Мало ли что может с человеком случиться...

– Ага. А вы, значит, будете выручать? Везде все схвачено, за все заплачено?

– Хватит, – сказал Данил. – Надоело. Или пойдет дело, или разбегаемся, как тот дельфин с той русалкой. Вот что, друг мой юный. Я вас ничем не буду пугать и не собираюсь даже. Но вы уж запомните одно: частный бизнес дает человеку ба-альшее чувство собственного достоинства. И большие возможности, дабы это достоинство защищать. Именно потому он и засасывает, дело не в поганой капусте... И вообще, неужели вам так уж хочется выглядеть пионером из мультфильма?

– Ну хорошо, – сказал Мальчиш-Кибальчиш. – Мне нужно, чтобы вы попытались опознать... одного человека. Я, разумеется, не могу принудить столь влиятельную персону. Если желаете, я извинюсь и уйду.

– Мертвого? – спросил Данил.

Старлей молчал.

«Мертвого, – подумал Данил. – Будь он живой, будь он в сознании, сказал бы, кто такой Данил Черский, – а व्यюнош, душу прозакладывать можно, этого не знал, ничего у них не было, кроме карточки с номером телефона. Оперативно сработано, кстати. Номер телефона сменился лишь неделю назад. Значит, там труп или, что немногим лучше, полутруп в реанимации...»

– Почему вы решили, что у нас – труп? Может, мы попросту взяли карманника с чужим бумажником, где в числе прочего эту карточку и нашли?

– Ну, не держите меня за дите, – сказал Данил. – Приехали бы вы поутру из-за паршивого ширмача, автоматами сверкая...

– Хорошо. Там труп. И все же вы что-то слишком спокойно это приняли...

Данил пожал плечами:

– Хотите верьте, хотите нет, но жизнь нынче настолько сучья, что я решительно ничему не удивляюсь, отвык начисто. Ну, едем?

Он прошел в комнату, тихонько взял с кресла костюм и оделся. Приладил на пояс кобуру с ПСМ, сунул рацию в «рабочую» сумку и направился к двери.

У подъезда рядом с его белым «гольфом» стоял штатский на вид «рафик» – стекла, правда, тонированны, так что лбов с автоматами и не видно. А водитель в цивильном, конспиратор хренов.

– Ваша, конечно? – кивнул Клебанов в сторону «Фольксвагена».

– Каюсь.

– Так и оставляете? Не боитесь, что угонят? Ну да...

– Да ну, к чему такие намеки, – сказал Данил задумчиво. – Просто сигнализация там хорошая и с парочкой юморных моментов, так что было бы даже интересно... Хотите проехаться в буржуйской машине?

Он думал, что принципиальный мальчиш откажется, но тот неожиданно сговорчиво занял место рядом с Данилом. К чему бы это? Ну, посмотрим потом...

...В морге витал неопределенный, но поганый запах – пахнет непонятно чем, однако подсознание с ходу связывает это с разложением, смертью, концом... Данил, шагая следом за Клебановым по пустому коридору, где шаги отдавались неприятным чавкающим эхом, впервые задал себе немаловажный вопрос: «А почему РУОП, собственно?»

В самом деле, отчего не уголовный розыск? С чего бы это РУОП подвизываться к обыкновенному убийству? Значит, не обыкновенное... Мать их так, кто влип и во что?

– Вскрытия еще не было, конечно? – спросил он негромко.

– Не было, – сказал Клебанов, не оборачиваясь. – Не настолько уж мы цивилизовались, в самом-то деле... Не в Чикаго. Хотя вашими трудами тут скоро Чикаго и будет...

Данил промолчал. От вышедшего к ним крепкого мужика в грязноватом халате явственно пахло водочкой, конечно – работа такая, тут поневоле начнешь... Мужик откинул засов, и с визгом распахнулась широкая железная дверь. Запах сразу стал сильнее, душно-сладковатым.

И правда, мы не в Чикаго, где каждому усопшему полагается отдельная ячейка, откуда его выдвигают примороженного должным образом... Здесь все было совершенно по-советски, как в магазине или в автобусе, битком... Комната пять на шесть, стеллажи по стенам, а на стеллажах – бледно-восковые трупы друг на друге, в три этажа, как минтай в ящике, право слово. И от этого последнего, посмертного унижения они даже не выглядели бывшими людьми – нелепые куклы, манекены в подсобке. У того, что лежал ближе всех, сверху, от паха до глотки, бугрился толстый шов в палец высотой, небрежно зашитый большими стежками.

От этого Данила и замутило – сами по себе покойники его особо не волновали, они ведь только пустая оболочка, покинутая душой, но при одной мысли, что и тебя в свое время кинут на чье-то брюхо и будете вы все лежать грудой, хотелось блевать – и неудержимо.

Но он справился с собой, глядя на железный стол посередине. Медленно подошел вплотную.

– Вы его знаете? – спросил Клебанов сухим профессиональным тоном.

– Конечно, – сказал Данил. – Не далее как вчера виделись... Пишите. Ивлев Вадим Степанович, шестьдесят третьего года рождения, заведующий вычислительным центром АО «Интеркрайт»... – он обернулся, но в руках у старлея ничего не увидел. – А протокол?

– Родные у него есть? Здесь, в городе?

– Жена, – сказал Данил. – С полгода как разошлись, но не разведены, так что она числится как официальная...

– Адрес знаете?

– Королева, сорок шесть, квартира пятнадцать.

– Вы что, все адреса помните? – с ноткой любопытства спросил Клебанов.

– Да нет, – сказал Данил. – Бывал я у него. Гостевал. Пока он оттуда не переселился.

– Понятно. Вот жена и будет официально опознавать. А с вами у нас все насквозь неофициально. Потому что и при официальном допросе вы то же самое будете твердить...

– Загадками говорите... – покосился на него Данил.

– Да? Показалось вам... Взгляните-ка еще раз. Что думаете с вашим-то героическим опытом?

Данил, прочно решивший пропускать мимо ушей любые колкости, присмотрелся как следует. Не было пока что ни мыслей, ни эмоций – одно тупое удивление.

– Я, конечно, могу и ошибиться... – начал он медленно. – Но разбитая таким вот образом губа мне кое-что напоминает. Так снимают часовых и прочую подобную публику – левой зажать рот, правой сунуть ножичек под сердце. Вторая рана – прямо в солнечное сплетение. Для надежности, что ли?

– Надо полагать, – сказал Клебанов. – Оба ножевых ранения смертельные. Нож был оставлен в сплетении. Так называемый штекс-нож из мирного кухонного набора «Ле гранд купе». Оружие кухонное, но сработано дело вполне профессионально, не согласны?

– Согласен, – сказал Данил. – Между прочим, такой наборчик в магазине стоит штук семьдесят, если только цены не подскочили. Бичи не покупают. И пьющий безалаберный народ – тоже вряд ли.

– Вот мы и подошли к главному, – сказал старлей, покривив губы в намеке на улыбку. – Я вас не подводил, сами начали...

– Чушь какая-то, – сказал Данил искренне. – Он у нас был, пожалуй, самым безобидным. Начальник над арифмометрами. Да и по жизни ничуть не крутой.

– Это в тихой государственной конторе вроде собеса начальник ВЦ мог бы считаться мирным и безобидным. А в ваших шарашках...

– Слушайте! – сказал Данил. – Уж вам-то следовало бы знать, что в «шарашках», как вы изящно выражаетесь, в машинную память ничего *такого* стараются не загонять.

– А конкретно?

– Ну, не ловите вы меня, как пацана... Я не о нашей фирме. Я вообще. Сами подумайте, кто будет считать на машине черный нал или взятки таможен...

– Резонно, – сказал мент с таким видом, словно сам в свои слова ничуть не верит. – Значит, кто-то вполне профессионально положил ножичком вашего самого безобидного кадра, вывернул все карманы, что-то тщательно поискал да и ушел, бросив и тысяч триста деньгами, и золотую гайку на пальце... – он с холодной усмешечкой уставился на Данила, уже явственно ощущавшего тупое неудобство под ложечкой. – Если с вашими безобидными выкидывают такие номера, что же с опасными-то делают?

– У нас впервые такое, – сказал Данил. – Если все так и обстоит, как вы говорите, решительно теряюсь...

– Граждане, если вы потеряли друг друга, встречайтесь на первом этаже универмага, у фонтана... – очень похоже передразнил Клебанов бархатный голосок диктора «Центрального». – Теряетесь? Все так и обстоит, как я рассказал. И еще интереснее... Зачем вашему безобидному заведующему арифмометрами боевое оружие?

– Что? – Данил невольно покосился на труп, словно ждал ответа от него самого. – У него-то как раз оружия не было. Даже газового.

Клебанов с усмешечкой выдернул из папки лист машинописи и скучным голосом прочитал:

– Пункт первый. Пистолет германского производства «Эрма», модель Е. Р. 652, калибр 22 ЛР, серийный номер 00138. Шесть патронов находятся в магазине, седьмой в стволе, курок поставлен на боевой взвод, оружие на предохранителе. Отпечатки пальцев потерпевшего обнаружены как снаружи, так и внутри – на обойме и деталях затвора...

– Чушь какая-то, – сказал Данил. – Чушь...

– Выражения выбирайте.

– Ну не могу я его представить с пистолетом! Если по-честному, мужик был умный, дело знал прекрасно, за что и платили приличные деньги, но по характеру – чуть ли не размазня. Понимаете, что я имею в виду?

– Возможно. Только как нам это увязать с германским стволом? Пушечка, конечно, дамская, но с близкого расстояния может наделать приличных дырок... Вы за ним в последнее время что-нибудь такое замечали? В поведении? Что вам объяснять...

– Да ничего такого... – он поколебался. – Можно посмотреть? Или – тайна следствия? К его удивлению, Клебанов охотно протянул опись:

– Ну, посмотрите... Может, чего-то недостает?

– Откуда мне знать, что он таскал в карманах? – пожал Данил плечами, не отрываясь от бумажки.

Сигареты... разовая зажигалка «Токай»... деньги... перочинный ножик... часы... бумажник... кольцо-печатка желтого металла... одежда-обувь... авторучка...

– Нет записной книжки, – сказал он честно. – Черная, почти новая, в левом верхнем углу – тисненый золотой лев. В «Сувенире» такие лежат по сорок. Вадик ее носил постоянно.

– И что там могло быть?

– Ну, адреса... У него еще была привычка черкать на последних страницах разные мелкие заметки по ходу дела. Конечно, ничего такого, что называется...

– Коммерческой тайной, – понятиливо кивнул Клебанов. – Так оно у вас называется. Может, еще чего-то не хватает?

– Я же сказал – откуда мне знать, что он еще таскал в карманах? Настолько уж далеко мой профессионализм не простирается...

Не хватало ключей. Два ключа на кольцо, вместо брелока желтая египетская медаль с профилем Насера и еще какого-то хмыря в большой фуражке – вполне возможно, маршала Амера. Интересно, догадался ли мент насчет ключей?

– Где вы были во время убийства? – как ни в чем не бывало спросил мент.

– Го-осподи ты боже мой, – сказал Данил, чуть ли не растерявшись. – Вид у вас весьма даже серьезный, а ловите на такие дурики... Неужели всерьез решили, что я так и бухну: «Дома сидел»? Нет уж, я у вас, как полагается, поинтересуюсь: а когда убийство-то произошло?

– Сами по виду трупа определить не можете? А еще майор КГБ.

– Как будто мы тем и занимались, что клали трупы с утра до вечера да еще тренировали на них наблюдательность... Так когда?

– Примерно между половиной одиннадцатого ночи и одиннадцатью.

– Дома был, – сказал Данил. – Вы ее видели, она подтвердит... Где его?

– В Северо-Восточном, знаете тот лесочек типа скверика?

Данил сделал вид, будто припоминает:

– Это где памятник летчикам? Туда-то его как занесло? Да еще близко к полуночи?

– Машина у него была?

– Восьмерка. Два дня как в мастерской. Крыло выправляют.

– А жил он где?

– У какой-то ляльки в Киржаче, только я ее не знаю, новая какая-то...

– В Киржаче? – Клебанов цепко глянул ему в глаза.

«Неужели просек? – охнул про себя Данил. – Промашка, черт... Инстинктивно ведь выбрал район подальше, прямо-таки в противоположном конце от Северо-Восточного... Неужели ментенок понял, что ему заправляют арапа?»

– В Киржаче? – повторил Клебанов, не отводя взгляда. – Это же выходит – на другом конце города...

– Сам теряюсь, – Данил пожал плечами, чувствуя, что вышло вполне натурально. – Нет, в самом деле теряюсь... Ну откуда у него ствол, да еще германский?

– А зарплата позволяла?

– Ну, если чисто теоретически, – позволяла. Только ведь нужно еще знать, где купить, да постараться, чтобы тебе за твои денежки честно отдали товар, а не кинули...

– Понятно. Только почему обязательно – купить?

– А кто бы ему подарил?

– Я не о том, – сказал Клебанов. – Пистолет, скажем, служебный, и был данный покойник, когда еще не стал покойником, к вам внедрен – может, от нас, может, от ФСБ, а может, и от налоговой. И узнал он что-то такое, чего ему узнавать ну никак не полагалось. И решили тогда сделать так, чтобы примолк он насовсем...

– Издеваетесь?

– Как знать? – невозмутимо пожал плечами старлей. – Для версии годится? Ведь годится?

– Ну, годится...

– Вот видите.

– Ну, и что дальше? – спросил Данил. – Между прочим, инопланетяне тоже годятся для версии. Прилетели и зарезали ножиком. Или вы не верите в инопланетян? А то у нас в Шантарске эти самые контактеры скоро вторую академию откроют, честное слово, вот вы у них и поинтересуйтесь, они ж уверяют, что держат прямую связь с Сатурном... Нет, с точки

зрения логики? Версия «убийцы-инопланетяне» имеет в данный момент такие же права на существование, как и ваша насчет «внедренного агента». Вы это, надеюсь, понимаете?

– Понимаю, – сказал Клебанов. – И вас я понимаю, хотя, быть может, и не насквозь. Вы не простачок и не крутой хам, вы где-то посередине, подальше от простачка, поближе к хаму...

– Вам, может быть, мои слова решительно не понравятся, – сказал Данил. – Но давайте уж попросту. Я не нахожу удовольствия в хамстве. Но и сам его не терплю в любых формах. Только я знаю, что в одиночку этот мир не перевернуть, а вы, такое впечатление, порой заедаетесь совершенно по-детски – а там уж я, в свою очередь, ошетиливаю иголки. На ваши вопросы я отвечал честно, старательно игнорируя все шпильки, именно потому, что мы не «Коза ностра», а вполне приличная фирма со всеми достоинствами и недостатками. Конечно, я немного бутафорю, но такова уж жизнь, вы мне не сват, не брат и не гомосексуальный партнер... Будем разговаривать как взрослые люди или продолжим цапаться?

– А о чем нам еще говорить? – пожал плечами Клебанов. – Вы теперь все знаете, а мне от вас больше ничего не добиться. Хотя чувствую, что вы определенно что-то недоговариваете. Если бывали у покойного на старой квартире, почему за полгода так и не выбрались к нему в... Киржач?

– Это вопрос?

– Нет. Разговор неофициальный, вы можете выдумать что угодно, к чему добиваться ответа... – он отвернулся, уставясь в стену. – Возможно, на этом дело и кончится. Если только ничего не произойдет...

– Мне что, ждать от вас повесточку?

– Бросьте. Теперь вы подкалываете...

– И не думаю, – сказал Данил. – Серьезно спрашиваю.

– Какие там повестки... К таким, как вы, полагается ездить самолично.

– Вас это коробит?

– Не в том дело. Просто, знаете ли, «Коза ностра» не состояла поголовно в КПСС до того, как начала носиться с пулеметами.

Данил участливо спросил:

– Вас что, при застое КГБ таскал за диссидентщину? Солженицына размножали по ночам? В защиту Сахарова петиции строчили? Что вы на меня так запали? Я ведь диссиду не гонял, я ж – боевой пес... Да сколько вам было-то при застое?

«Что-то тут есть, – подумал он, глядя, как у пацана стискиваются губы, а ноздри довольно явственно раздуваются от злости. – Есть скелетик в шкафу, есть... Папа диссидентствовал? Или служил в „синих погонах“ и получил от дедов по почкам выше положенного? Ну не может это оказаться Афган, молод...»

Старший лейтенант промолчал с видом гордым и неприступным – и в этот миг крайне напоминал юного пионера в почетном карауле у знамени дружины. Настоящего пионера, убежденного. Были такие. Вот пионерию он по возрасту еще как застал, тут и гадать нечего...

– Вы в комитете комсомола за что отвечали? – наугад спросил Данил.

– За всякую фигню, которую теперь и вспоминать стыдно, – ответил мент неожиданно быстро. – До встречи.

Кивнул едва заметно и размашистым шагом направился к «рафику». Неприметный, совершенно штатский на вид синий фургончик, дисциплинированно мигнув левым поворотом, завернул за угол длиннющей унылой девятиэтажки и исчез из виду, чему Данил отнюдь не огорчился.

Глава третья

Барс на тропе

Он забрался в свой «Фольксваген», положил руки на руль, а подбородок – на руки, задумчиво уставился вперед. Впереди был пыльный двор с поломанными качелями, двумя бабками на скамейке и энергичным крупным эрделем, таскавшим за собой девчонку лет десяти в ярком спортивном костюмчике. Небогато.

Данилу было совершенно ясно, что дело ляжет на него. Моментально. На то он и шеф службы безопасности. Пора и отрабатывать толстый ломоть хлебчика с толстым слоем масла и икоркою поверху. Все, и этот «гольф» в том числе. Конечно, последние полтора года он дурака не валял, но то была рутина, даже усмирение Кальмара со товарищи. А теперь...

Он был уверен, что правильный мент ни в чем не соврал. Ибо не было им смысла устраивать провокацию столь жалких масштабов, подкидывать паршивую «Эрму», даже не в офис – к одному из сотрудников, убитому вдалеке от фирмы. Ивана свет Кузьмича не возмешь и провокациями покруче, да и сказки это все, если серьезно – насчет ментовских провокаций. Басенки. Вот если бы шахта всплыла... Но это уже будет не провокация, а выплывшая на свет божий неприглядная правда.

Включил рацию.

– Шестой. Дежурный пост, – на сей раз откликнулись моментально, как-никак начался рабочий день.

– Барс, – сказал Данил. – Где «большой»?

– Не появлялся пока.

– Вот и лады, – сказал он. – Я буду часика через два, если кто спросит.

И отключился. Решение нужно было принять быстренько. Если бы Клебанов сразу поехал к Светке, «рафик» повернул бы не налево, а направо, к мосту. И если бы они узнали про хату в Северо-Восточном и дернули туда, «рафик» опять-таки свернул бы к мосту. А вот областное УВД – как раз в той стороне, куда старлей соизволил проследовать...

Лады. Никакого толку не будет от Светки, но все же... Данил завел мотор и свернул направо, к мосту. И задумался над загадкой, которую долго откладывал напоследок из-за ее сложности.

Откуда такая спешка? Местный РУОП был конторой резкой и не привыкшей отступать (что, правда, не означало, что контора эта витала в облаках, оторвавшись от замысловатых реалий жизни). И все же... Ладно, убийство, крайне смахивавшее на заказное. Ладно, германская пушечка при трупе. Ладно, бочком и краешком замешан «Интеркрайт». И все же это не основание поднимать спозаранку молодого волчишку из РУОП и заставлять его крутиться так, что искры брызжут из-под когтей. Хватило бы и уголовки на данном этапе. Значит...

Значит, толкование одно – что-то есть у них в заглавнике. И это не финансы – иначе навалилась бы налоговая, да и то в случае особо серьезном. А особо серьезного-то и нету... Неужели Ванятка, друг детства, все же утаил что-то? Конечно, он после этого последняя сука, но с поезда все равно не спрыгнешь, будешь отрабатывать скушанный хлебушко не потому, что принуждают, а оттого, что сам себя обязанным чувствуешь, обреченным на верность. Не одним ведь самураям дано, бля...

Он аккуратно притормозил у нужного подъезда, позади новехонькой «Тойоты» с европейским левым рулем, той, что кличут «круглой». «Тойота» была совершенно идиотского розово-сиреневого колера и сверкала лаком, понятно, как сапоги у гусара.

Данил, абсолютно автоматически зафиксировав в памяти номер тачки, не спеша пошел вверх по лестнице. Хвоста по дороге не было, да и сканер-перехватчик он все время держал

настроенным на милицейские частоты, но никаких подозрительных переговоров не услышал. И во дворе никого подозрительного не засек, что, впрочем, не есть повод для беспечности – если захотят следить всерьез, ты их не увидишь и не услышишь. Могли прилепить к машине и «пищалку», но это вряд ли – как-никак не в Европах, что-то не слышно было о таком прогрессе, разве что столичные заявятся... В конце-то концов, ничего противозаконного он не совершает и не замышляет даже...

Навстречу попался рослый хмырь, упакованный по фирме – да не в Гонконг и не в Индию, а в натуральную Западную Европу. Но все равно вульгарностью так и перло – шестерка высокого полета, только-то и всего. Как раз для розово-сиреневой «Тойоты». Прошел, не видя, небрежно задел литым плечом – фирмовая наклейка с солнечных очков, понятно, не отклеена, жует резинку и думает, что он Чак Норрис, благо под полой чего-то такое топырится...

Данил ради интереса приостановился. Внизу мягко, почти неслышно заворчал мотор. Точно, сел в «Тойоту». Ну и хрен с ним, так и так отложился в памяти...

Он нажал белую кнопку. Звонок мелодично замяукал. Дверь распахнулась моментально.

– Вот так откроешь однажды – а тебе в лоб вместо привета, – сказал Данил. – И поплывут вещички вереницей...

– Но остается надежда, что сначала все же изнасилуют на совесть... – мечтательно сказала Светка, поборов легкое удивление. – А я-то...

– А ты-то думала, что это мистер из «Тойоты» вернулся? – Данил без приглашения прошел в прихожую и уверенно свернул в комнату.

– Ох, милый, я тащусь... Неужели соизволил следить?

– Дедукция, самая примитивная, только и всего, – Данил сел в кресло, вынул сигарету и огляделся.

Тут и пионер сообразил бы, чем хозяйка занималась долго и старательно – на тахте икебана из простыней в художественном беспорядке, бокалов два, видеокассеты грудой по ковру, а на экране мельтешат голые шлюхи в сложном переплетении, вроде бы среди них иногда мелькает и мужик, но Данил не стал особенно присматриваться. Поднял за горлышко увесистую черную бутылку, держа двумя пальцами, оглядел:

– В «Бахусе» – двести штук. Настоящий. Прогрессируешь, подруга?

– Коли друг не жмот... – безмятежно сказала Светка, влезла с ногами на тахту и тоже потянулась за сигаретой. – Господи, ты и бутылочку-то держишь так, чтобы не оставить отпечатков. Ну, волчарик... Ты не грохнуть ли пришел бедную разведенку?

– Размечталась.

– Ну, тогда хоть трахнул бы...

– Перебьешься, – он повернулся к виду и ткнул пальцем в крохотную клавишу. Незакомплексованные будни простых западноевропейских трудящихся исчезли с экрана. Заодно Данил вырубил и телевизор.

– Что это ты с утра такой вежливый?

– Съел что-нибудь, – кратко сообщил Данил.

Светка, поджав ноги, разглядывала его с капризным любопытством. Черт ее знает, как ей это удавалось, но она и сейчас была свежа и прекрасна – с полурассыпавшимся узлом белокурых натуральных волос, в чисто символически запахнутом халате, с подозрительно блестящими щеками, еще не отмытая после мужика. Как всегда, ее хотелось не просто иметь, а люто насиловать до упора. Потому-то бедный Вадик с ней и выдержал пять лет – тут сломается и кто покрепче...

– Ну, и что это за мэн с «Тойотой»?

– Нет, правда, взревновал?

– Надейся... Просто интересно.

– А... Вроде тебя – работает на фирме, все у него схвачено, все у него есть...

– Ну, так уж и вроде меня?

– Ах да... Ты же у нас герой-андроповец. Или кто там, крючковец? Честный частный дефектив... Коньяк будешь?

– За рулем. И дело есть.

– Ну, я тогда купаться... На скорую руку, – она соскользнула с дивана, не озаботившись запахнуть халат, и направилась в ванную.

– Эй! – окликнул Данил. – Говорю же, есть дело.

– Ну иди и вытащи меня отсюда... – томно прозвучало из ванной.

Он мысленно плюнул, придвинул телефон и набрал номер квартиры в Северо-Восточном. Выслушав пять-шесть длинных гудков, осторожно положил трубку на столик, и она еще пару минут гудела. Но на том конце провода никто так и не отозвался. Окажись там менты, не преминули бы из профессионального любопытства схватить трубочку, ибо тамошний телефон – с определителем номера... Значит, нет их там. Мелочь, а приятно.

Он покопался в гуде кассет, обнаружил «Всплеск» и включил, не перематывая. Очаровательная русалочка металась в ванной, торопясь высушить роскошный рыбий хвост, чтобы побыстрее обернулся ножками, а забеспокоившийся любовничек колотился снаружи в дверь – дети, мне бы ваши заботы...

– Опять ты этой селедкой любишься?

– Очень уж романтично и трогательно, – сказал Данил. – Вот и тащусь помаленьку.

– Ты бы лучше от меня тащился, энкаведешник хренов... – Светка уселась на толстый кожаный подлокотник, закинула руку Данилу на шею.

От ее бедра сквозь тонкий халат прямо-таки пробирало жаром. Данил с остатками затаившегося где-то глубоко стыда вспомнил, как взял ее впервые год назад – здесь же, в ванной. Она была подвыпивши, да и он был хорош и ничего не смог с зовом плоти поделать, хоть в комнате и дрых надравшийся Вадька, уголком сознания Данил стыдился тогда, но яростное наслаждение превозмогало все прочие чувства. Да и на трезвую голову выходило в точности так же. Бог ты мой, где он потом только не обладал ею – в машине, на даче, в лесу, на столе у себя в кабинете, так что получались «Тридцать девять с половиной недель», честное слово. И у всех прочих ее мужиков, краем уха друг о друге наслышанных выше крыши, было, несомненно, точно так же. И ничего тут не поделать морали, потому что белокурая генеральская дочка – блядь по духу и призванию, на молекулярном уровне, оттого, должно быть, в жизни ничего не ловила, хоть презервативов терпеть не могла – природа старательно берегла совершенную машину для полноценной работы...

Тугая грудь с твердым темно-вишневым соском круглилась у самого его лица, но он сказал спокойно:

– Вадьку убили.

– Да? – она на миг замерла. Но только на миг. И лизнула его в ухо, глубоко проникая языком: – Значит, я отныне – неутешная вдова? И что теперь прикажешь делать – рыдать с драньем волос?.. Вот такое я чудовище, что тут поделать? Милый крючковец, я этого оборота сто лет как выкинула из жизни, держа исключительно для мелких эпизодов, и потому не станем разыгрывать древнегреческих трагедий... – и ее рука с наманикюренными молочно-белым лаком ноготками недвусмысленно поползла к «молнии» его брюк.

– Хватит, – сказал Данил, уже чуточку раздраженно. – Было и прошло, кажется, обговорили во всех деталях. Убрала ручки, запахла халат, села поприличнее. И вообще, покинула чужие колени.

Светлана сговорчиво встала, пересела на тахту, сдвинула колени.

Она и в самом деле была далеко не дура. Просто-напросто она до жути походила на того негра из анекдота – ну к чему таитянину компьютер и овладение искусством маркетинга, если кокосы падают с пальмы регулярно, а холодов не бывает? Она не ощущала ни малейшей потребности пускать в ход интеллект – были бы деньги на приличную жизнь да череда мужиков. Даже к «расейскому» эрзацу «светской жизни» ее ничуть не тянуло. Данил, если совсем честно, ей в глубине души иногда завидовал – Светка имела возможность жить как нравится, делать исключительно то, что ей нравится, тут поневоле позавидуешь...

– Значит, полный разрыв?

– Это, даже не вчера обговорено, – сказал Данил.

– Горд самообладанием и преисполнен полового удовлетворения... – протянула она. – Олечка у тебя, конечно, золотце... Ладно, считай, что я самую малость погоревала, не чужие мы с Вадькой были, в самом-то деле... Ну, а ты-то отчего хмур и угрюм? Он тебе что, названный брат? В Афгане заслонил грудью от крылатой ракеты? Ты с ним раз в месяц попивал для оттяжки, вот и все. Кто бы его взял в названные братья, мешок с киселем... Нет, я все понимаю. Прекрасно помню да и представляю, как ты должен был исходить от беспокойства – он у вас сидел на серьезной работе, а я, безалаберная развратница, являла собой уязвимое звено... Только никто так и не собрался меня похитить, чтобы потом слать ему мои фотки с ну очень неприличными позами и вымогать ваши тайны. А теперь его вообще нет, и я даже теоретически не могу быть уязвимым звеном. Логично?

– Логично, – сказал Данил. – Весьма.

– Вот видишь. Что, потащат опознавать? Поеду опознаю. Может, и поплачу, даже наверняка, мы ж, бабы, дуры непредсказуемые... Кофейку сделать?

– Сделай, генеральское дите, – сказал Данил примирительно. – И настройся на серьезную волну. Есть о чем поговорить...

– Собственно, генеральское-то дите я неполных два года, – уточнила она въедливо. – Армейское я дите, если обобщая.

«Нашла отговорочку, – мысленно поморщился Данил. – Тоже мне, дочь полка...» И все-таки любопытно, за какие такие достижения на амурном фронте папаша в свое время услал ее из Берлина учиться аж за Урал? Сама она, несмотря на язычок без единой косточки, только этот, один-единственный эпизод старательно обходила молчанием. Данил ничуть не удивился бы, окажись вдруг, что именно через нимфеточку Свету кто-нибудь ОТТУДА попытался однажды искать подходы к ее бравому папочке... В жизни такие ситуации встречаются чаще, чем принято думать, и любой историк разведки согласится, что началось еще в библейские времена...

Светлана, упархивая на кухню, мечтательно прищурилась:

– Живи мы в Чикаго, да не будь папочка столь правильным, попросила бы я его устроить тебе автокатастрофу за то, что бросил бедную девчонку...

– Живи мы в Чикаго, бедная девчоночка, я бы тебя раньше пристрелил... – пробормотал Данил ей вслед.

И задумчиво воззрился на большую цветную фотографию упомянутого папочки. Папочка, этакая моложавая нордическая бестия (хотя и чистых славянских кровей по родословной), стоял себе, уперев кулаки в бока, на фоне немецкой готической церквушки из темно-красного кирпича – верзила в зелено-буро-пятнистом комбинезоне неизвестной армии, без погон, нашивок и знаков различия, вроде бы даже и не военный, а так, нынче этот камуфляж таскают, пожалуй, даже бабульки-дворничихи.

Только папочка и в самом деле мог бы оформить нехилую автокатастрофу, если не десять. И устроить еще много приятного. Для посторонних, то бишь всего окружающего мира, папочка в генерал-майорском чине корпел себе тишайшей штабной крысой в Берлинской бригаде. Данил сам так поначалу и считал – только вот когда он вышел в отставку,

именно папочка Глаголев звал его в армию, к себе, и, хотя многого не сказал, намекнул столько, что для посвященного человека достаточно. И нетрудно догадаться, что папсик есть пиранья из Аквариума – с большой буквы. Очень даже возможно, что сей скромный генерал-майор был причастен и к операции «Ольха», про которую в свое время писали в обзорах для узкого круга...

Американский сержант из расквартированных в Западном Берлине частей однажды решил подкалымить. Забросил в кузов грузовика новейшую управляемую противотанковую ракету, преспокойно приехал на этом самом грузовике в Восточный Берлин и стал нахально расспрашивать народно-демократических полицаев, где здесь КГБ. Между прочим, это в свое время было не так уж и трудно – переехать из Западного Берлина в Восточный с ракетой в кузове, ибо разложившаяся западная демократия к своей безопасности относилась, как деревенская дурочка к трипперу. Вот в обратном направлении подобные грузоперевозки осуществить оказалось бы потруднее, хотя бывало по-всякому...

Полиции сержанта, ясный день, тормознули и передали старшим братьям по лагерю. Те, убедившись, что ракета и в самом деле новейшая, честно заплатили сержанту твердой валютой и попросили заходить еще. Сержант заезжал еще раза три – а потом все-таки погорел, когда, оборзев от безнаказанности, принялся грузить в кузов какой-то секретный агрегат вовсе уж неподъемных габаритов.

А может, такая версия была для общественности. И заложила хозяйственного янки какая-нибудь перебежавшая сука, вроде Резуна или Гордиевского.

Ну, это дело десятое. И даже если папочка Глаголев не причастен был к гешефту под кодом «Ольха», то замешан неминуемо в другие, столь же «приятные» забавы. Когда бывшая советская армия учинила «поход» из бывшей ГДР, Глаголев оказался здесь, в Шантарске, при штабе Восточно-Сибирского военного округа, где воссоединился со старшей непутевой доченькой. Черт его там знает, опала для него Шантарск или, наоборот, повышение, рыбка плавает по дну, и пиранья тоже... Во всяком случае, Лара, его младшая дочка, разъезжала по городу Шантарску на подержанном, но приличном «Опеле», имея в кармане надлежащим образом оформленные права, которые, как известно, шестнадцатилетним не особенно-то и выдают. Так что папочка, вполне вероятно, был по-прежнему на коне...

Вернулась Светка с подносом, преобразившаяся самым решительным образом – в простеньком платьице и огромных модных очках с простыми стеклами, волосы тщательно зачесаны в конский хвостик. Ни дать ни взять – тихая учительница младших классов, томящаяся старая дева. На такой вот облик бедный Вадька, как он по пьянке пожаловался, в свое время и клюнул и даже принял фейерверк постельных экспериментов за всплеск эмоций истомившейся без мужика робкой учительки. Ну, а потом засосало...

Светка подала Данилу чашку и села, сдвинув ноги, положив ладони на колени. Оценила быстрым взглядом произведенное впечатление.

– Верю, – проворчал Данил. – Семиклассница, втайне мечтающая о физруке... Похоже. Тебе хоть сказать, как его замочили?

– Ну?

– Со всеми признаками заказного. Но у него, радость моя, в кармане была германская боевая пушка с патроном в стволе, и я верю ментам, что – не подброшенная. Совершенно ни к чему им такое выдумывать... Он у тебя в свое время ни о чем таком не мечтал?

– Не припомню что-то, – сказала Светлана. – Тюфяки, сам знаешь, бывают двух видов – одни комплексуют, набивают карманы стволами-кастетиками, а другие и на это не способны. И наш Ваденька был из последних.

– А позволъ-ка, я у тебя спрошу форменное идиотство... – сказал Данил. – Мог он оказаться «внедренкой»? Нашей, понятно, не штатовской... Что бы ты про такую версию сказала?

– Что тебе лечиться пора, – она рассмеялась. – Нет, Данил, это уж и впрямь шизофрения с выкрутасами... Чтобы так играть, нужно быть лучшим опером всех времен и народов – только кто бы такого уникала внедрил в вашу паршивую контору? Эдаких суперменов к какой-нибудь Хиллари подкладывают, не ниже... Или мажордомом к британской королеве.

– Да я и сам так думаю, – сказал Данил. – Просто приходится крутить на пустом месте откровенную шизофрению... Ничего такого не замечала? Ну, знаешь ведь, детективы читала, да и с папулей до семнадцати жила...

– Еще бы. Тебе «Устав противодиверсионных мероприятий» процитировать?

– Сам наизусть знал когда-то, – сказал Данил. – Я про Вадьку.

– Ну откуда мне знать? У нас ведь в последние полгода отношения были кафкианские и редкие. Приползет раз в месяц на рогах, поплачется, возжелает нежной любви – вот и любишь его из жалости, если никого другого в постели нет. Потом, проспавшись, выскальзывает в дверь, воротя от меня стыдливо мордашку... Вот и все отношения. Ну, набивался обратно, конечно, только я им сыта выше ушей. Мне, Данила-мастер, волк нужен, чтобы по воскресеньям или там по пятницам еще и колотил по почкам, когда подниму хвост, – вот тогда я буду почти примерная супруга... Знаешь, когда меня в девятом классе папсик отмудохал приемчиками за одного прапора, я, как путняя, три недели не трахалась. В таком вот ключе.

Данил оглядел «скромную учительницу младших классов» и тяжело вздохнул:

– Как, по-твоему, есть такое место, где нет блядей?

– А как же. Северный полюс. Южный-то обитаемый...

– Значит, ничего?

– Ничегошеньки. Что-то такое он пытался нести по пьянке – будто бы его ожидают свершения и великие дела. Но я тебя заверяю – старые песенки, обычный пьяный бред тюфяка-интеллигента, за пять лет наслушалась так, что рехнуться можно. Честное слово, ничего конкретного. Что-то я не помню, чтобы пластинка за пять лет менялась.

– Он к тебе один приходил?

– Почти всегда. Только в марте притащил с собой писателя. Лев Костерин – не слышал про такого?

– Что-то вертится...

– Ну, кропает детективы про благородных оперов. И потому на Черского, в областное, весьма даже вхож.

– А-а, – сказал Данил. – Листал что-то такое, про иконы. Там еще инспектор читал Достоевского...

– Ну да, это у него целый цикл. Наш отечественный Мегрэ в ответ на западные происки. Один роман, кстати, так и называется – «Инспектор, который читал Достоевского». Цикл длиннющий, а отечественный детектив нынче в моде, так что этот Левушка не бедствует. Полная противоположность Вадьке. Во всех смыслах. Обещал списать с меня контрабандистку, один в один, да я ему сказала, что, если попробует, больше в жизни не дам. Ну какая из меня контрабандистка? Вот если бы сексбомба из ЦРУ. Но про шпионов он не пишет. Что бы тебе еще повспоминать...

– Давай-давай, – сказал Данил. – Отворяй поток сознания. Ты у нас по диплому психолог, вот и изощрись...

Светка старательно думала, прикусив нижнюю губу. Глаголев-папсик презрительно поглядывал с фото, задрав подбородок с таким видом, словно ему и танк «Центурион» прикупить по случаю – плевое дело. Возможно, так оно и было в этой суматошной жизни...

– Знаешь, что самое пикантное? – сказала Светлана. – Что-то за последний месяц мой бывший благоверный закорешился с Ларочкой. Сама их видела в машине, пронеслись мимо с видом полного довольства жизнью. Кто-то их видел в «Жар-птице», а кто-то и там, и сям.

Шантарск хоть и миллионный, но в некоторых отношениях городишко ужасно маленький. Ничуть не удивлюсь, если они уже того... Что ты глазки выпучил, как кошка из стишка? Ларке, конечно, до меня далеко, да кровь-то глаголевская, а она – как шампанское. Сама мне хвасталась, что два года назад брала за щеку у часового перед знаменем части. Насчет часового могла и приврать, но в остальное вполне верю. Просто Ларка конспирироваться умеет, что твой Штирлиц. Даже папсик, волчара такой, свято верит, что Лара у нас девочка, – представляешь класс конспирации?

– Представляю, – сказал Данил. – Может, с ней поговорить?

– Попробуй. Уж перед ней-то Вадюша наверняка выворачивался, как носок. Только не суйся домой. Папсик тебя ужасно невзлюбил, когда ты отказался отдаться Советской Армии и пошел к Кузьмичу...

– Учту, – сказал Данил. – Есть ходы.

Самое смешное, Лара на него пару раз поработала. И познакомился он с ней как раз через Вадима. В отличие от старшей сестры Лара обладала ярко выраженными способностями к языкам и после долгого житья в ГДР знала немецкий не хуже родного. Вот Данил ее и завлек в переводчицы, когда писал в гостинице баварцев, прилетевших на переговоры с Кузьмичом. Переводила девочка в самом деле влет, деньги брала непринужденно и потом, насколько он выяснил, ни словечком об этом калыме не протрепалась. В самом деле, тесен Шантарск...

– Только не вздумай ее трахать, – сказала Светка, – запутаешься по жизни. Я баба незамысловатая, а у Ларочки уже сейчас в головке всю пашет компьютер. Пискнуть не успеешь, как тебя в тот компьютер загонят и крутить начнут...

– Вот интересно, зачем ей в таком случае Вадик? – спросил Данил.

– Надо же с кем-то являться в свете. А Вадик, говоря великодушно, когда не распускал сопلي, имел весьма товарный вид и носки с трусами менял через день. Подсунь ему бабу умеренной степени блядистости – был бы человек как человек, без всяких соплей. Я же не виновата, что ему подвернулась... – устав долго держать образ невинной учительки, закинула ногу на ногу и откинулась на тахту, опираясь обеими руками. – Вот. А больше ровным счетом ничего не могу припомнить. После всего ночного и утрешнего. Подумаю и звякну, если что, а сейчас залягу поваляться...

– Что, работа, как всегда, не волк?

– Конечно.

Светлана давно уже пристроилась в частной конторе по торговле решительно всем, законно производимым и законно произрастающим (кроме разве что пальм и конопли). Тамошний босс, решив шагнуть в ногу с цивилизованным миром, завел у себя штатного психолога, каковую роль Светка честно и исполняла, вполне профессионально прокручивая тесты и собеседования. И, поскольку вдобавок ублажала стареющего патрона со всем усердием, стала незаменимым кадром, завоевавшим право на многие вольности...

Он встал:

– Побежал. Звони, если что вспомнишь.

– Ага. Олечке привет. Пусть мне звякнет, сто лет не виделись...

Во дворе – никого. И ни единой машины. Только поодаль примостился коммерческий киоск, как и полагается, с поддельной водкой и просроченными соевыми шоколадками – между прочим, идеальное место для наблюдательного пункта: во-первых, эти лабазики давно стали неотъемлемой деталью пейзажа, во-вторых, за шеренгами бутылок можно спрятать любую оптику...

Данил сел за руль, посидел так, не включая мотора. Опять появилось ощущение зыбкой нереальности, будто откроешь глаза – и нет ни частных фирм, ни частных сыщиков, хоть никто не подозревает еще, что это, извольте ли видеть, «застой», и у тебя нет никаких забот,

кроме как сидеть на краешке сиденья, уподобившись сжатой пружине, и – ждать, ждать, ждать...

Но вокруг была нынешняя жизнь, никакой другой не предвиделось, и его место в этой жизни было насквозь известно...

В Северо-Восточный он поехал самой длинной дорогой, чтобы на всякий случай проверить насчет возможного хвоста в парочке весьма подходящих мест.

...Улица Кутеванова, где обитал покойный, была названа в честь легендарного партизанского командира, в Первую мировую ставшего из землемеров штабс-капитаном, а в Гражданскую – из штабс-капитанов сущим таежным Наполеоном, лупившим колчаковцев в этих самых краях. Кутеванов, как и все его воинство, в политике не разбирался совершенно, о красных имел самое смутное впечатление – просто настал момент, когда колчаковцы осточертели сибирякам хуже горькой редьки, и адмиральскую власть скинули повсеместно почти столь же легко, как в восемнадцатом скovyрнули редкие кучки большевиков.

Потом, когда пришел Тухачевский с армией из военнопленного сброда (куда к будущему позору своему замешался и Ярослав Гашек), сибиряки сообразили, что хрен редьки не слаще. И взбунтовались по новой. На Дальнем Востоке, например, тамошний «зеленый Бонапарт» Лубков, талантливо бивший и семеновцев, и японцев, с приходом красных вновь подался в леса, собрав почти в полном составе тех же самых орлов, и теперь уже красные долго не могли с ним ничегошеньки поделаться, пока не применили передовой метод, до которого не додумались в свое время ни Семенов, ни косоглазый генерал Оой, – подослали в отряд проверенного товарища, и засланный казачок положил Лубкова в спину из маузера.

Однако Кутеванов предусмотрительно помер своей смертью еще в двадцать первом, увильнув тем самым от будущих политических разборок. Его есаулы, с приходом Тухачевского награжденные почетным революционным оружием, в двадцать втором году поснимали это оружие со стен и вновь подались в тайгу, но понемногу были выловлены и выбиты чекистами, канув в небытие – однако бюст Кутеванова до сих пор красовался в запущенном скверике посреди Киржача, где местные алкаши, народ остроумный, окрестили свой «летний ресторанчик» «Кутькиным бором». Дом, где месяца три обитал в Шантарске Гашек, снесли еще в коллективизацию, и теперь на панельной девятиэтажке красовалась сюрреалистическая мемориальная доска, которую гордо демонстрировали приезжим: «На этом месте стоял дом, в котором жил Ярослав Гашек»...

Квартира Вадима была, строго говоря, казенная, купленная на деньги «Интеркрайта». Такова уж «селяви», что любой приличной фирме, обосновавшейся в большом городе, никак не помешает иметь в собственности несколько частных квартир. Упаси боже, для самых законных целей – и прибывшего по делам гостя там гораздо пригляднее и безопаснее разместить, чем в гостинице, и банкет для означенного гостя можно устроить, и складировать на пару деньков что-то особо ценное, и разместить филиал офиса. Да наконец, и самому шефу с особо приближенными лицами есть где «отдохнуть». Но поскольку такая квартира автоматически попадает в облагаемое диким налогом имущество предприятия, обычно изворачиваются, как могут, – чаще всего оформляют долгосрочную «ссуду сотруднику для покупки квартиры» и выправляют все документы на него. Сотрудник, ясное дело, должен быть верным и надежным. А Вадик при всей его мягкотелости именно таковым считался, так что эту квартиру на него и оформили. Правда, в паспорте у него еще стояла прописка с адресом Светкиной квартиры, так что Клебанов если и докопается, то нескоро.

Вадик здесь и жил последние три месяца (лялька из Киржача действительно была, но выдержала Вадика лишь полтора месяца), а параллельно хата служила Данилу явочной квартирой. И Данил совершенно точно знал, что там не может оказаться ни анаши в серванте, ни левого автомата в шкафу, ни секретных бумаг в пакете с макаронами. И черного нала там не хранили. Совершенно чистая хата.

И все же у Вадика забрали ключи. А это могло означать только одно. Не такие уж лопушистые волчатки в РУОП, чтобы пропустить ключи в описи, там вообще нет лопухов...

Тот, кто взял ключи, собирался навестить квартиру. Вернее говоря, наверняка уже навещал ночью. И это был профессионал, можно сказать заранее. В квартире стояла отличная сигнализация, полностью автономная, на японском аккумуляторе. Сунься кто непосвященный, она не подняла бы шума и не пугала бы световыми эффектами, но тотчас же сообщила бы о вторжении в офис «Интеркрайта», на дежурный пост. А оттуда моментально позвонили бы Данилу.

Конечно, на любую хитрость есть этот, с винтом. Сигнализацию можно отключить, для этого потребуется сканер размером с дистанционку для видака – однако в Европах такой потянет на пять тысяч зеленых, и кто попало с ним гулять не будет. Посему вариантов два: либо Профессионал все же побывал в квартире, отключив чудо техники и потом включив вновь, либо его там не было, и вообще никого там не было. Просто, как мычание...

У подъезда – ничего и никого, способных вызвать подозрение. Идиллия.

Данил еще на первом этаже услышал стеклянный звяк, продолжавшийся все время, пока он поднимался на пятый, последний. Источник звяка ему был знаком – это шатеночка из соседней квартиры складывала бутылки в большущий картонный ящик из-под «Голдстара», служивший временной урной до вечернего прибытия мусорной машины. Данил поднимался бесшумно, и она его не заметила, засекла лишь, когда стал доставать из кармана ключи, и они звякнули. Довольно симпатичная, не расплывшаяся еще ля фам лет тридцати. Торопливо запахнула халатик, но Данил успел рассмотреть, что вся грудь и шея у нее в багровых засосах. Если сопоставить это с горой бутылок и тем что ей давно следовало быть на работе, ребус получался простой, вовсе и не ребус даже.

– Вернулся? – спросил Данил. – Ну и слава богу.

Лицо у нее было ошалело-счастливым.

Данил с этой парочкой был мимолетно знаком. Поскольку он несколько раз спускался за почтой в форменных офицерских брюках с красным кантом, соседи его считали по-прежнему находящимся в боевом строю (а Вадика его младшим братом, и ни в том ни в другом Данил их не разубеждал, зачем?).

Сами соседи были бюджетниками. Она учительствовала, а он служил лейтенантом во внутренних войсках и две недели назад отправился в невеселую командировку, держа курс на Чечню. Такие дела. Теперь, как нетрудно догадаться, вернулся в целости и сохранности, гулеванил и любил женушку до упора – простенько и незамысловато живут люди, позавидовать можно...

Она все еще молчала, пунцовая от счастья. Данил понятиливо кивнул ей и собрался отпереть дверь, но она трепыхнулась вдруг:

– Данила Петрович... Вы ключи вчера никому не давали?

Он моментально подобрался:

– Да понимаете, Катя, Вадька ухитрился потерять бумажник с ключами и с паспортом... – и видел уже по ее лицу, что попал в точку. – А я сутки торчал на полигоне... Неужели совались, гады? В паспорте ж полный адрес, заходи, кто хочет...

– Я еще и подумала!

– Так-так-так, – сказал он с видом крайней озабоченности, не столь уж и наигранной. – Лез кто-то? Во сколько?

– Уже около полуночи где-то. Сережа как раз курил на площадке с ребятами, а я вышла, очень уж шумели, и тут он идет, ключами поигрывает так уверенно, а сам взглядом все по номерам квартир... И видно, что первый раз тут... Увидел нас всех, постоял, глазами пошарил, с таким видом, будто не туда попал, и тихонько назад. Мужики и внимания не обратили.

– Молодец вы, Катя, – сказал Данил. – Вам самой бы милицейские погоны-то носить...

– Да он же явно целился на вашу дверь. Видно было. Высокий, черный, вроде цыгана, но, по-моему, не цыган и не кавказец, просто вид такой... Вроде казака. Почему-то сразу всплывает ассоциация с казаком.

– Есаул форточный... – проворчал Данил. – А одет, конечно, в джинсы-кожа?

– В джинсовом костюме, только не в синем, а в таком словно бы сероватом... Нужно заявить или по крайней мере сменить замок.

– Заявлять – дело дохлое, – сказал Данил. – Ну где его искать и что, ученым языком говоря, инкриминировать? А вот замки я нынче же поменяю, спасибо, Катя...

Он кивнул ей, отпер оба замка, набрал код. Один-четыре-четыре-два-пять-пять. Шесть кнопок с цифрами на стальной пластинке были не замком модной лет десять назад системы, а ключиком к сигнализации, и довольно надежным, потому что без того самого дорогонького сканера все комбинации методом тыка не переберешь и за сутки.

Значит, второй вариант. Плюс везение. Он пришел немедленно после убийства. Спокойный, холодный профи. Вот только на лестнице гулеванила поддатая компания, наверняка собрались свои, такие же «внутряки», и на ком-то, ручаться можно, была если не полная форма, то штаны с кантами – и профи моментально отступил от греха, не стал разыгрывать троюродного дядю из Мухосранска... Данил на его месте сам поступил бы так же.

Он тщательно притворил за собой дверь, накинуд цепочку. В квартире он не был три дня – вполне достаточно, чтобы притащить сюда хоть атомную бомбу. Обыск Данил начал как учили когда-то: двигаясь по часовой стрелке вдоль стен, оставляя центр комнаты с письменным столом напоследок. Перебрал все в серванте, тщательно перетряхнул натасканные сюда Вадькой книги, заглянул под диван, снял с него белье. Ни под ковром, ни под шкафом, ни под телевизором – никаких роковых бумаг, таивших зловещие тайны. И в футлярах видеокассет – ничего.

Перешел в другую комнату, проделал там те же манипуляции. Никакого улова. И в кухне та же петрушка.

В одной из больших деревянных колонок магнитофона умельцами Данила был оборудован тайник, не так-то просто и открывавшийся. В тайнике ничего не оказалось – так и должно быть, коли сам Данил ничего сюда в последний месяц не прятал...

Теперь, на десерт – стол. Данил сунул в конверт все дискеты, чтобы показать Ольге. В самом компьютере обнаружилась лишь дискетка с игрой «Черный лабиринт». Ничем серьезным со здешним компьютером Вадик не занимался, но все равно Ольге предстоит проверить дискеты на служебные коды и все такое прочее...

Хорошо еще, что Вадька был аккуратистом. В ящиках стола – порядок, как в казарменной тумбочке салаги. Микрокалькулятор, авторучки, Вадькины документы, распечатанные письма (на каждом по въевшейся привычке Вадька ставил дату получения – число, месяц, год). Немного писем. Самые обычные. Три от матери из Томска, два от какого-то приятеля из Свердловска, или по-нынешнему Екатеринбурга – все пять адресованы на эту квартиру. Одно адресовано на фирму, какая-то московская библиотека сообщала, что заказанной книги в наличии не имеется, к их превеликому сожалению. Открытка из того же Томска – какой-то Славик поздравлял друга с Первомаем, с нынешним, но, должно быть, представления не имел о кое-каких переменах в личной жизни друга Вадьки, иначе не отправлял бы поздраву на Королева...

Две книги в бумажных обложках – секреты компьютерных языков Бейсик и Фортран. Блок сигарет, по Вадькиной привычке распечатанный с торца... тяжелый что-то блок... опаньки!

Данил вытряхнул на ладонь две небольшие пистолетные обоймы с коричневыми патрончиками. По семь в каждой. Двадцать второй калибр, он же – пять целых, шесть десятых миллиметра. По размерам обоймы вполне годятся для «Эрмы» и иже с нею...

Такое положение и называется – полная растерянность. Если непечатно, звучит гораздо короче.

С балкона не швырнешь – белый день, меж ближайшими деревьями и домом довольно широкая пустая полоса. И дома не оставишь – вдруг нагрянут?

После короткого раздумья Данил принес из кухни пустой целлофановый мешочек, тщательно протер обе обоймы, бережно их замотал целлофаном и осторожно опустил в слив унитаза. Там и полежат, а если заявятся незваные гости, всегда успеешь дернуть за веревочку. Потом, правда, могут застрять где-то в трубе, но это уже не наше дело, главное, не у нас, и отпечатков нет...

Потянулся к сумке, но передумал и снял трубку.

– Пятый. Дежурный пост.

– «Большой»?

– Появился. Ищет вас. Велено – немедленно.

– Быстренько подошли пару ребят, – сказал Данил.

– Куда?

– Откуда я звоню. Пусть сидят здесь и прохлаждаются. Могут быть гости. Если гости – мопсики, ребята тихо сидят на хате у друга и пьют пиво. А если забредет какой зеленый, что вполне вероятно, его нужно будет аккуратно упаковать и сдать мне. Только пусть не ловят хохотальником воробьев, если придет зеленый, он будет не лопух. А посему подбери кого пообстоятельнее...

И положил трубку. Подумал, что насчет «мопсиков», то бишь милиции по их нехитрому коду, он мог и перебрать. Вряд ли они так быстро установят, что покойному гражданину Ивлеву принадлежала именно эта квартира – или это уже знает тихарь, внедренный ими в «Интеркрайт»? Поди догадайся, что именно он знает, коли поневоле приходится обращаться с ним как с хрустальной вазой времен Ренессанса...

Глянул на часы. Половина двенадцатого. Глаголев дома никак не может оказаться, посему стоит рискнуть...

Набрал номер. Трубку сняли на третьем гудке:

– Да?

По этому одному короткому словечку Данил не смог отличить на слух маму от дочки и потому вежливо спросил:

– Скажите, пожалуйста, это баня?

– Это раздевалка, а баня аккурат через дорогу, – столь же вежливо проинформировал его чуточку хрипловатый Ларин голосок. – Говорите смело, мистер Бонд. Верная агентеса дома одна-одинешенька.

– Ну, гутен таг, фройляйн...

Она преспокойно ответила длинной немецкой фразой, из которой Данил не разобрал ни черта, поскольку владел лишь английским в обоих вариантах – классическим британским и вульгаризированной «штатовской мовою».

– Стоп, стоп, – прервал он. – Пошутили, и будет. Нужно увидеться.

– Опять халтурка?

– Вполне возможно. Ты не занята?

– Ну чем заняться летом примерной школьнице? Где обычно?

– Да. Часов в восемь, устроит? В верхнем баре.

– Полностью, шеф.

– Если я задержусь, они там будут знать.

– Понятно. Учту. Кстати, шеф, вы мистера Ивлева сегодня не видели?

– Да нет...

Вообще-то он сказал чистую правду – то, что он видел час назад, не было уже никем и ничем. Так, пустая оболочка...

– Если узрите, скажете, что он мне нужен. Пусть звонит.

– Ага. Всего?

– Всего.

Данил положил трубку, потер лицо левой ладонью и долго сидел, закрыв глаза. Кажется, впервые он пожалел, что полтора года назад во все это ввязался.

Многие старательно высмеивают «предчувствия» и «озарения», но только не люди профессии Данила, пусть даже профессия вроде бы бывшая теперь. Проявляется это повсюду: кто пересаживается подальше от места, куда через пять минут шлепнет горячий осколок, кто совершенно точно предчувствует завтрашнюю свою смерть. И многие, очень многие (пусть даже сами не умеют облечь это в членораздельные слова) совершенно точно знают, когда подступает время Крупных Неприятностей.

Сейчас Данил не сомневался, что Крупные Неприятности для него наступили.

Он покопался в куче, нашел кассету, выкрутил громкость до половины. Браво загремела медь, ухали трубы, могуче надрывался хор:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!

И вовсе уж величественно разливался лихой прилей:

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Вообще-то к марксизму-ленинизму Данил относился еще хуже, чем к педерастии с лесбиянством. Он и раньше, несмотря на обязательное членство в руководящей и направляющей, жил с партией родной в разных плоскостях, ибо таков уж обычай что у крестьян, что у офицеров – пахать себе свою делянку, не забивая голову актуальной идеологией. Как говаривал добрый приятель Януш Орлич, капитан из охраны Герека и нынешний коллега по бизнесу: «Прихожу домой, идеологию вешаю на крючок вместе с фуражкой...» Но в том-то еще и юмор, что пресловутая «тоталитарная система» ухитрилась как-то незаметно наклепать множество чертовски прилипчивых шлягеров, прибавляющих бодрости организму даже надежнее, чем тяжелый рок...

Он выслушал еще песню про артиллеристов, которым Сталин дал приказ, выключил магнитофон, чувствуя, что обрел должную легкость во всем теле. Сел за стол, извлек лист белой бумаги из Вадькиных запасов и быстро написал разборчивым почерком:

*Начальнику Северо-Восточного РОВД
полковнику Агееву Н. Т.
от гражданина Черского Д. П.,
проживающего по адресу:
г. Шантарск,*

ул. Малиновского, 45-22

Заявление.

Уважаемый товарищ начальник!

Выходя сегодня из квартиры, принадлежащей сотруднику нашей фирмы, где я находился по служебным делам (ул. Кутеванова, 5-15), я нашел в подъезде две пистолетные обоймы с патронами, которые считаю своим долгом немедленно сдать органам милиции.

С уважением.

Расписался, поставил сегодняшнее число и дату. Чтобы исключить всяческие случайности. Пусть теперь налетают и обыскивают, коли охота...

Фокус был старый, но безотказный. Все те шантарские ребятишки, кого посвященные именовали бультерьерами (да и не только шантарские, идеи-то носятся в воздухе), принимали схожие меры предосторожности. Качок с бритыми висками бодро чапал по своим делам с боевым стволом под полкой, а в кармане у него лежало подобное заявление – законопослушный гражданин нашел под кустом эту страшную стреляющую штучку, каковую и торопится немедленно сдать родимой милиции. Понятно, заявление каждый день приходилось писать новое – с актуальной датой. Главное – держать пистолет в кармане или за поясом, не надевая кобуры, иначе получится конфуз...

Он закатал повыше рукав, поборов совершенно неуместную в данный момент брезгливость, извлек сверточек из унитаза, выбросил целлофан в поганое ведро и старательно вымыл руку. Упрятал обоймы в карман и вышел из квартиры.

Бравый усмиритель Чечни очнулся и явно похмелился – из-за двери доносилась боевая песня, исполнявшаяся совершенно немелодично, но с большим чувством. Новая какая-то – неужели так быстро успели придумать? Впрочем, что тут удивительного, примеров хватает.

Данил сел в машину. Развернулся, заглушил мотор и закурил. Мимо проходили люди, и каждый считал своим долгом на него украдкой зыркнуть. Нет, у нас положительно не Чикаго. Хотя в последние годы машин и прибавилось несказанно, человек, мирно сидящий себе в припаркованном на обочине автомобиле, все еще вызывает сложные чувства – этакую смесь подозрительности с любопытством. А чего это он, в самом деле, здесь расселся-то? – подумает любой. Как-то это чего-то...

У подъезда остановилась вишневая «девятка», выскочили два его орла и без излишней спешки двинулись на задание. Ну вот и ладушки. Витек с Равилем – ребята серьезные и несуетливые, сработают по-крестьянски обстоятельно...

Он выбросил в окно окурки и отъехал. По пути увидел подходящее местечко – бетонный забор завода ЖБИ, где догадливый окрестный народ давно устроил грандиозную свалку и пер туда разнообразнейший мусор. На заборе, правда, красовалась огромная синяя надпись, гласившая, что свалка мусора запрещена – но кривые буквы, страшавшие штрафом в 50 р., были намалеваны еще при «старых ценах» и давно никого не пугали...

Данил остановил машину, отыскал в багажнике тряпку побольше, старательно завернул обоймы и запустил сверток подальше, к самому забору. Здесь ему и лежать до снега, а если бичи и наткнутся, закопают еще глубже от греха...

Заявление он преспокойно поджег зажигалкой и растер подошвой пепел.

Глава четвертая

Неприятности ходят стаями

Давно прошли те времена, когда фирмочка Кузьмича, из которой и вырос монстрик «Интеркрайт», ютилась где попало – от приведенных в божеский вид подвалов до комнаты боевой славы ДК «Машиностроитель». Данил, правда, и не застал воочию тех времен. Когда он полтора года назад появился в Шантарске, фирма уже два года как прочно осела в трехэтажном особняке купца первой гильдии Булдыгина.

Купец, несмотря на доставшуюся от предков дурацкую фамилию, болваном отнюдь не был и в дореволюционные времена держал в кулаке Шантарск, как ныне Фрол – причем, в отличие от Фрола, совершенно легально, то купая в шампанском заезжих певичек, то меценатствуя весьма осмысленно и с большой для горожан пользой. И, не исключено, обладал кое-какими экстрасенсорными способностями, о каких в Сибири издавна принято выражаться: «Знал он что-то такое, ли чо ли...» Уже в июле семнадцатого, несмотря на разгул демократии, а может, именно тому и благодаря, Булдыгин, по воспоминаниям допрошенных краеведами к пятидесятилетию Превеликого Октября старожилов, «чего-то заскучал», а в начале августа распродал все свои рудники и фабрики, лавки, дома и пароход (причем вовсе не торгуясь), выгреб наличность из банка, забрал свои знаменитейшие коллекции, чад и домочадцев – и канул в небытие, чтобы потом обнаружиться в красивом и шумном городе Сан-Франциско, малость подпорченном недавним землетрясением, где его бывшие американские компаньоны по торговле пушниной и добыче золотишка быстренько оформили всей этой ораве гражданство Северо-Американских Соединенных Штатов (что в те времена сделать было не в пример легче).

Вообще-то булдыгинских домов изначально было три. Один, самый большой, разломал самовольно и дочиста еще в двадцатом году комиссар Нестор Каландаришвили. Человек он был приезжий, и его горячая кавказская душа пленилась-таки побасенками о спрятанных купеческих сокровищах. Сокровищ не нашлось никаких, и обиженный чекист Круминьш, положивший было глаз на уютный особняк, где собирался устроить пыточную штаб-квартиру своего ведомства, настучал на комиссара в Москву, приписав пылкому Нестору всевозможные извращения, как политические, так и половые. Каландаришвили загнали в Якутию утверждать там советскую власть. Якуты, народ с белогвардейскими замашками, комиссара быстренько ухлопали (что их от советской власти все же не уберегло, хотя отдельно белопартизаны в Якутии и продержались аж до сорокового года – исторический факт).

Второй дом к столетию Ильича велел разломать первый секретарь обкома тов. Федянюк, люто ненавидевший всякую дореволюционную архитектуру (кроме связанной с именем Ильича, ее-то из партийной дисциплины приходилось оберегать). Он разломал бы и третий особняк, но там в семидесятом обитал областной КГБ и выселяться не желал.

К девяносто первому году КГБ давно уехал в дом современной постройки, тов. Федянюк всплыл в Москве помощником Бурбулиса, а в Шантарске объявился подданный США Джон Булдер (булдыгинский внук), с целой кипой юридически безупречных документов на последнее уцелевшее фамильное гнездо – и, заплатив не столь уж устрашающую сумму в зеленой капусте, стал владельцем дедовской недвижимости. А уж у него особняк перекупил Кузьмич.

Дом, после отъезда оттуда КГБ поделенный меж мелкими конторами, всевозможными собесами и обществами книголюбов, пришел к девяносто первому в убожество. Конечно, при бардаке и демократической шизофрении девяносто первого возможны были самые невероятные негоции. И все равно Данил крепко подозревал, что официальная версия событий,

как водится, реальности не соответствовала. Что-то там да крылось. Либо внук, хоть и настоящий, с самого начала послужил Кузьмичу подставой за хорошие комиссионные, либо Кузьмич уже здесь взял его на крючок и обеспечил некую синицу в руках. Как бы там ни было, внук отбыл восвояси (хотя отцы города пытались в нагрузку всучить ему и дедовский пивзавод, с тех самых пор ни разу не реконструировавшийся), а особняк фантастически быстро обрел божеский вид и украсился синей вывеской с золотой эмблемой «Интеркрайта» – конь с солнцем на спине.

Здесь, конечно, располагалась только самая головка, нечто вроде генерального штаба. Кузьмич контролировал самые разнообразные фирмы, которые чисто физически было бы невозможно собрать под одной крышей – леспромхозы, деревообрабатывающие комбинаты, птицефабрику, так называемый «радиозавод», банк «Шантарский кредит», три торговых дома, транспортную фирму, турфирму, старательские артели. Ну, а «заимки» словно бы не существовало в природе...

Данил поставил машину на огороженную стоянку рядом с маленьким жемчужно-серым «БМВ» Жанны, аккуратненьким, как игрушечка. Ближайшая телекамера, прищипанная меж первым и вторым этажами, уже бдительно пялилась в его сторону, он взял с сиденья конверт, сделал ручкой в объектив и направился к двери. Дверь, понятно, была бронированная, но весьма убедительно замаскированная под старинную дубовую – фирма давно избавилась от детских болезней, в том числе и вульгарности первых лет. Что подтверждалось и обликом вестибюля – там за квадратной полированной стойкой сидел не амбал в пошлой кожанке, а элегантный молодой человек при галстуке. За его спиной – распахнутая дверь в караулку, и видно было, что там сидят еще двое в столь же безукоризненных костюмах (понятно, возникни такая нужда, эти орелики успешно выступали бы и в адидасовско-кожаном обличье, но это уж зависит от ситуации и вводных).

– Происшествий нет, – «пятый» встал и чуть склонил голову. – Иван Кузьмич о вас три раза спрашивал.

– А я – вот он... – проворчал Данил, кивнул охранникам в караулке и пошел на второй этаж.

Попадавшие на дороге здоровались, как всегда – спокойно и вежливо. Ни тени нервозности, ни единого встревоженного или обеспокоенного взгляда. И он понял, что о Вадиме еще не знают. Следовательно, не подозревает о случившемся и Кузьмич. Значит, милиции здесь еще не было, а это несколько странно, пора бы им и нагрянуть с деликатной беседой...

Распахнул дверь вычислительного центра, молча кивнул Ольге. Она улыбнулась, быстро встала, выпорхнула в коридор. Оправила белый халат, тряхнула темными волосами:

– Ты куда улетучился ранней порой? Из собственной квартиры так исчезать – это уже пошлость...

– А ты что, ничего не слышала?

– Что, стреляли? – фыркнула она.

– Из базуки, – он улыбнулся вполне безмятежно. – Да пустяки, приехал Равиль и сдернул с подушки, были дела на товарном дворе... Тебе привет от Светки Глаголевой. Я к ним на фирму заезжал.

– Вадим, часом, не у нее похмеляется? Что-то запропал, ищут его...

– Когда это он похмелялся? – пожал плечами Данил. – Должно быть, форс-мажор какой нарисовался... – Он подал ей конверт. – Вот что, золотце, просмотри-ка бегло эти дискетки, скажешь потом, что на них нарисовано, а я бегу к Кузьмичу...

В приемной, обставленной трудами братской словенской фирмы, одиноко сидел крепыш в широченных полосатых брюках и черной кожанке. Здесь такой экземпляр, Данил смекнул моментально, мог оказаться в одном-единственном качестве – охранника пребывавшего в кабинете Кузьмича визитера. Захожий бодигард старательно нажевывал резинку и

поливал Жанну восхищенно-вожделеющими взглядами, что она великолепнейшим образом игнорировала. От нее веяло ледяным холодом и недоступностью, как от Эльбруса. Вряд ли пацан знал слово «светский», но Жанна определенно подавляла его утонченно-доскональным обликом светской дамы, и строить словесный мостик он вряд ли успел осмелиться.

Высший пилотаж для секретарши – это с блеском совмещать все мыслимые функции: и любовница босса, и визитная карточка фирмы, и незаменимый в работе кадр. Жанна совмещала. Не без блеска. За что удостоилась личной охраны – ибо хорошая секретарша посвящена в секреты фирмы едва ли не лучше босса, а наехать на хрупкую красотку не в пример легче и проще...

– Иван Кузьмич вас очень ждет. Но у него посетитель, – сообщила Жанна. – Подождите, пожалуйста.

Произнесено это было не без почтения – несмотря на всю свою упаковку, неглупую головку и положение первой фаворитки, она кое в чем осталась простой девочкой «с Киржача», попавшей в частный бизнес чуть ли не с выпускного бала, от папы-слесаря и мамы-ткачихи. И Данила немного побаивалась. Давненько, на пикнике, Кузьмич шутки ради обрисовал ей Данила как простого советского Рэмбо, всю сознательную жизнь свергавшего во всех концах света реакционные режимы и вместо утренней зарядки резавшего «зеленых беретов» по три штуки зараз. Жанна, не мудрствуя, поверила – в той среде, где она выросла, КГБ был чем-то невыносимо таинственным и пугающим, как «земли псоглавцев» на древних картах...

Данил сговорчиво присел в уголке, возле низкого столика, придвинул к себе солидную хрустальную пепельницу и достал из левого кармана престижные «Хай лайф», каковые в душе терпеть не мог. Он всю жизнь курил болгарские, но на нынешней работе сплошь и рядом полагалось дымить чем-то престижным, и никак иначе – у каждой Марфушки свои игрушки...

Вот Кузьмича, конечно, эти игрушки ничуть не тяготили.

А получилось в общем как в романе – иные из них все-таки бывают списаны с жизни. Два пацана родились в захолустной Судорчаге, сорок лет бившейся за звание хотя бы райцентра, да так и оставшейся в прежней роли. Родились в самых что ни на есть сермяжных семьях. А джинна из кувшина звали просто – Советская Армия. По прихоти судьбы оба угодили к одному военкоматовскому «покупателю», оказавшись в Москве, в полку, где солдаты носили синие погоны с буквами «ГБ». И обоим перед дембелем сделали аналогичное предложение – как же, сибиряки, отличники боевой и политической, из крестьян, кандидаты в члены...

Дальше оно все и раздваивалось, дорожки побежали в разные стороны. Один предложение принял, был после недолгого отпуска отправлен на соответствующую дрессировку и тянул лямку без особых взлетов и падений, пока на нехитрой карьере не поставили крест октябрьские игрища. Другой сумел с надлежащим тактом (то бишь врожденной крестьянской хитрецей) отклонить предложение таким манером, чтобы не испортить характеристику. С этой характеристикой да благодаря несомненным семи пядям во лбу без особого труда взял на шпагу Шантарский университет, стал из кандидатов членом, вышел с красным дипломом – но приземлился в Северо-Восточном райисполкоме, да так и двинулся вверх по этой склизкой лесенке, перепархивая от партийных органов к советским, словно теннисный мячик меж двумя ракетками.

Перестройка его застигла первым заместителем председателя облисполкома. Существует расхожее мнение, будто перестройка как раз и была затеяна для того, чтобы вторые секретари могли сесть на место первых. Конечно, многие так и поступили, прихватив в могучие союзники невежественную и горласто-придурковатую совковую интеллигенцию, а уж та, в свою очередь, убедила истосковавшуюся по доброму государю массу, что и член

Политбюро способен в одночасье прозреть... Однако Иван Кузьмич Лалетин не пошел ни по одному из двух традиционных путей – не обернулся ярым демократом святее самого Сахарова и не погряз в забавах полозковско-зюгановской кодлы. Едва только приоткрылась щелочка с непривычно пугающей кличкой «кооперативное движение», как он с разлету грянулся в нее всем телом – так, что на заборе остался пролом в виде его силуэта, словно в мультфильме. Но Лалетин не разбился, а проскочил на ту сторону, где обосновался прочно. Пожалуй, к этому и сводится «Краткий курс истории И.К.Л.». Большинства деталей, подробностей и эпизодов бывшего Данил не знал да и не стремился узнать уже потому, что они безвозвратно отошли в прошлое. Поскольку в жизни нет места ни сказке, ни романтике, легко домыслить кое-что и догадаться, что на избранном пути друг детства Ванятка не стал ни святым, ни хотя бы подвижником, но и не запродавал окончательно душу дьяволу. И Данила такая ситуация и такой шеф полностью устраивали – на фоне общей ситуации в стране. Ему самому до подвижника было – как до Китая раком...

Когда они чисто случайно встретились в столице сразу после окаянного октября, Кузьмич обрисовал ему детали и сделал предложение. Данил сказал, что согласится, если получит честное слово, что там нет ни наркотиков, ни крена в сторону прямой уголовщины. После короткой дискуссии, уточнявшей понятие «прямая уголовщина», стороны пришли к сердечному согласию. То ли происходившее в октябре сыграло роль последней соломинки, то ли сказалась брезгливая усталость от перестройки, отучившей многому удивляться и приучившей на многое смотреть иначе, но Данил даже в глубине души не включал «заимку» в категорию прямой уголовщины. В конце-то концов, государству подносили уже этот клад на блюдечке, и оно само от него отказалось...

Платиновое месторождение в районе речки Беди обнаружил в тридцать шестом году молодой геолог Измestьев, второй сезон работавший в «Шантарзолоте». Однако в геологии тогда безраздельно царствовал академик Бочкарев, в душе коего (как это частенько случалось с выдающимися деятелями науки, и не обязательно сталинской) причудливо соседствовали гений и сатрап. На беду, Бочкарев еще в двадцать пятом издал фундаментальный труд, где доказывал, что на территории СССР самородная платина восточнее Урала залегать не может...

(Вообще-то тема интересная – положи руку на сердце, как повели бы себя Ньютон или Пастер, даруй им судьба возможность абсолютно безнаказанно, ничуть не потеряв в глазах общества, отправлять научных оппонентов на виселицу?)

На двойную беду, молодой открыватель шантарской платины оказался упрямым и несговорчивым, не слушая увещаний и намеков – может, по юношескому максимализму, а может, очень уж хотелось одним махом оказаться в ферзях. И сгинул год спустя так надежно, что не обнаружился ни в пятьдесят шестом, ни вообще. А о месторождении забыли напрочь – для того района существовала установка исключительно на золото. Да вышло так, что случай свел Лалетина в Ялте с умиравшим от рака профессором. Старец, родом из Шантарска, некогда был в свите Бочкарева и остался, наверное, последним из живущих, посвященным в ту давнюю паскудную тайну...

Дальше было несложно – имея деньги и верных людей. Благо, архивы «Шантарзолота» сохранились и секрета по давности лет больше не представляли. Кузьмич через свои связи и запустил в архивы надежного паренька, якобы молодого писателя, собиравшего материалы о героических подвигах первых советских геологов.

Конечно, главное – отчет Измestьева и все сопутствующее – еще в тридцать седьмом было изъято ежовскими костоломами, но к цели можно двигаться и обходными путями... Никто не стал изымать бухгалтерские документы, а ведь в них черным по белому стояло название села, где Измestьев нанимал рабочих, а также номера площадок промывки, по кото-

рым, сопоставив с другими пожелтелыми бумажками, нетрудно было сделать привязку к местности...

Бумаги из архива, понятно, упорхнули – для пущей надежности. И Кузьмич оказался монопольным обладателем тайны, ничуть не боясь, что объявятся официальные конкуренты, – подвалила гайдаровщина, и «Шантаргеология», как многие геологические управления по стране, тихо умирала без денег, даже не мечтая о новых маршрутах... И одна из старательских артелей Кузьмича, якобы безуспешно три года искавшая на Беде золото, на самом деле трудолюбиво копала платину, всплывавшую потом на мировом рынке в качестве юаровской.

Это была единственная область, куда Данилу не дали хода – зато отвалили два процента с прибыли. Детали он представлял смутно, сообразив лишь: полная конспирация вряд ли обеспечивается регулярным сезонным убоем рабочих. Такое случается лишь в дешевом боевике. Или в местах гораздо более отдаленных от Транссибирской магистрали. Не зря связи Кузьмича ответвлялись на Северный Кавказ, а в той артели не числилось ни единого славянина. Вероятнее всего, платину все эти годы копал некий аксакал с пятеркой сыновей и дюжиной племянников, повязанных намертво родовым кодексом чести и прочей горской экзотикой. В том же Дагестане чуть ли не в каждом ауле – своя национальность, даже со своим языком, который ближайшие соседи уже не понимают...

Он поднял голову. Из кабинета вышел субъект кавказской национальности, пожилой, но юношески легкий в движениях. Мимолетно кольнув Данила пытливым взглядом *дирижера*, прошествовал в коридор. Качок заторопился следом с грозным видом – но пас клиента так бездарно, что Данил, будь он чужим киллером, успел бы преспокойно положить обоих, да и Жанну в придачу, бросить ствол посередине и уйти, не особенно даже торопясь.

Данил вошел в кабинет. Друг детства стоял у окна, сунув руки в карманы, вроде бы безразлично смотрел вниз, но у Данила осталось такое впечатление, будто спина у шефа как-то нехорошо напряжена.

– Прибыл, – сказал он кратко.

Кузьмич обернулся – излишне резковато, пожалуй. На свои сорок пять он в общем не выглядел, самое большее – на сороковник, и походил больше на флегматичного британца. Бог его знает, откуда у правнука землепашцев-раскольников получилась узкая и породистая английская физиономия – в Сибири отроду не водилось помещиков, изрядно-таки улучшивших своей статью породу крепостного российского крестьянства... Впрочем, и сам Данил не особенно-то походил на кого-нибудь из тех кругломордых, которых «Мосфильм» упорно пихал в свои эпопеи о крестьянской жизни, прошлой и нынешней.

– Ну, и где ты болтаешься?

– Ивлева убили, – сказал Данил. – Дела такие...

Он докладывал четко и быстро, вычленив главное, и не мог отделаться от мысли, что Кузьмича происшедшее ничуть не занимает, что Кузьмич только и ждет окончания рапорта. А это было более чем странно – если вспомнить, что год назад шеф гораздо серьезнее отнесся к истории со сцапанным милицией рядовым охранником, у которого тоже, кстати, обнаружился левый ствол. А по табели о рангах охранник стоял не в пример ниже покойного Вадима...

– Все?

– Все, – сказал Данил.

Оба так и не присели, стояли посреди кабинета, и со стены на них сурово пялился «Северный колдун», сверхнордического облика мужик с соколом на руке, в пронзительно-зеленой ферязи – подлинник Константина Васильева, обнаруженный Кузьмичом чуть ли не в туалете районного дома культуры где-то под Тамбовом.

– Все дальнейшие хлопоты повесишь на юристов, – сказал Кузьмич так, словно отмахивался. – А теперь стой и слушай. Или слушай сидя, как предпочитаешь... В пятницу, под конец рабочего дня, таможня в Байкальске вскрыла наш контейнер. С бамбуковыми стульями и прочей дребеденью из Бангкока – дешевка, мелочь, но до сих пор хорошо идет... В этой поганой мебелишке, в сиденьях нескольких стульев, обнаружен героин. Примерно полкило. Тысяч на пятьдесят зелеными. Естественно, шум поднялся страшный, слетелись сокола из всех серьезных контор, «Интеркрайт-Транспорт» автоматически угодил под указ двадцать-двенадцать, Бударин приземлился на тридцать суток. К твоей службе претензий нет. Никаких аварийных выходов на связь предусмотрено не было, потому что не планировалось подобных ситуаций... Хоменко тоже взяли, продержали субботу и воскресенье без всяких допросов. Сегодня утром, как только обо всем узнали ребята Ярчевского, его быстренько выдернули с нажатием соответствующих кнопок, и он тут же позвонил твоему дежурному. Но с Будариним никакие кнопки не сработали, что более чем странно. Не так уж слабо мы сидели в Байкальске...

Данил задумчиво кивнул. Президентский указ двадцать-двенадцать, творчески развивавший кампанию борьбы с организованной преступностью, предписывал: в подобных случаях в контору согрешившей фирмы назначается наблюдатель от властей, и, как правило, не один. Естественно, от серьезных органов с аббревиатурой на три буквы – и тех, чьи букровки менялись по нынешней моде несколько раз в год, и тех, что пахали без переименований со времен диктатуры пролетариата. Нечто вроде революционных матросов в Государственном банке, права и полномочия примерно те же, исключая разве что расстрел на месте. После этого, как легко догадаться, нормальной плодотворной работы от подвергшейся такому наезду фирмы ожидать почти что и не приходилось...

– А почему начали с заместителя? – спросил Данил. – Если уж пошли ковбойские штучки, почему посадили Бударина, а не Андреева?

– Потому что Андреев взял отпуск и решил слетать на недельку развеяться в Куала-Джампур, – сказал Кузьмич мертвым, деревянным голосом. – И билет получился в один конец. Помнишь такую песенку? «Уан вай тикет...» – Он достал из стола пухлую многоцветную газету импортного облика и чуть ли не швырнул Данилу: – Английский не забыл? На первой странице. Еще слава богу, что без фотографий, а то они обожают...

Заголовки выдержаны в крикливо-завлекающем стиле (лет несколько назад подхваченном и родной прессой): «Русская мафия в Куала-Джампуре!», «Российские гангстеры осваивают наш рынок?». И тому подобное.

Андреева, начальника байкальского филиала «Интеркрайт-Транспорт», в прошлую среду взяла полиция, едва он сошел с трапа в Куала-Джампуре – с пакетиком героина в кармане, и героин весил ровно десять граммов. Полицейский комиссар с труднопроизносимым в английской транскрипции имечком остерегается делать конкретные заявления, но отнюдь не исключает, что мистер Andreeff привез образец товара будущему партнеру, дабы злокозненно наладить постоянные поставки...

– Ему же конец, – сказал Данил. – Покойник. По тамошнему уголовному кодексу автоматически вздергивают уже за четыре грамма, не то что за десять. Без различия пола и подданства, без всякой оперативной разработки. Будь ты хоть клинтоновским племянником. В прошлом году они вздернули-таки Янкеса, хотя за него просил и посол, и конгрессмены...

– Слышал... Что посылай адвоката, что не посылай. Коньяку хочешь?

Данил мотнул головой: «Нет!» Кузьмич тем не менее распахнул полированную дверцу бара, вытащил изящную бутылку «Метаксы», набулькал себе в украшенный цветным стеклом бокал граммов пятьдесят светло-янтарного нектара – и ахнул одним глотком. Вот это уж на него решительно не походило. Но потом он сделал нечто еще более нестандартное – оторвал зубами фильтр суперпрестижной сигаретки, выплюнул его в пепельницу. Сунул

сигарету в рот, поднес огонек зажигалки к разлохмаченному концу. Данил молча ждал, не подаваясь первым эмоциям.

Кузьмич подошел и остановился перед ним:

– А теперь слушай внимательно. И постарайся поверить, что так оно и обстоит. Это не мой порошок. Никто и никогда не перевозил нашими каналами никаких наркотиков, – он жестко улыбнулся. – Разве что партию китайского эфедрина три года назад. Но это, во-первых, официально было оформлено не на нас, а на Басалая, он воспользовался нашими транспортными услугами, заплатил через кассу, мы и перевезли, как честнейшие аравийские верблюды. Во-вторых, что гораздо существеннее, в накладных и прочих бумагах честно было написано: «эфедрин». В те времена эти таблеточки можно было ввозить практически легально, это потом сыскари догадались, что эфедрон наши ширяльщики мастерят как раз из эфедрина... Да и проходил этот груз отнюдь не через Байкальск. – Он подошел к черному селектору и тронул клавишу. – Жанна, меня нет, разве что для забугорных... Садись, Данил, – покосился на бутылку, подумал и решительно отнес ее назад в бар. – Скороспелые версии есть?

– Конечно. На то они и скороспелые, – Данил сел и какое-то время отрешенно поигрывал зажигалкой. – Без высокой санкции так просто наших в камеры не потащили бы, это азбука... Больше никаких деталей?

– Никаких. Хоменко прилетит вечерним рейсом. Пусть твои его встретят, кстати. Мало ли что... Итак?

– Я, конечно, не Господь Всевидящий и даже не Лаврентий Палыч, – сказал Данил, – но стукачи в байкальском филиале у меня хорошие – и те двое, что остались от предшественника, и тот, кого я сам вводил. Если бы Андреев или Бударин вздумали за твоей спиной таскать во Святую Русь наркотики, я бы непременно знал. Ручаюсь. – И тут только до него дошло. – Постой-постой... Так, значит, взяли только Бударина? И навалились только на «Транспорт»? Или нет?

– Только на «Транспорт», – сказал Кузьмич. – Хотя по всей логике полицаи любой страны обязательно наехали бы не на «Транспорт», а на «Интеркрайт-Байкальск». Груз идет через него, контейнер принадлежит ему, «Транспорт» – подотдел, извозчик, не более того... Ну?

– Я бы не стал давать голову на отсечение, но тут за версту воняет наездом с инсценировкой, – сказал Данил медленно, взвешивая слова. – Оба печальных факта совершенно не состыкуются. Действительно, противоречат всякой логике, но не убогим вкусам потребителя бульварной прессы. Он-то как раз логике не обучен и не стремится обучаться... «И в контейнере-то у них нашли героин, и в заграницах-то взяли ихнего с героином, мафия оскандилась! Лев прыгнул!» Но это же вздор, Кузьмич! Уж ты-то знаешь, как лев прыгает, да и я, твоими трудами, малость нахватался... Если Андреев с Будариним, крутые головастые наркобарончики, на пару забрасывали порошок в многострадальное отечество, Андрееву нужно было оказаться форменным дебилом, чтобы со смертельной порцией героина лететь в страну, где он побывал раз несколько и прекрасно знает, за что там автоматически вздергивают. В аэропортах у них во-от такие плакатищи на двадцати языках, туристов еще на родине предупреждают... А в то, что Андреев с Будариним возились с порошком втайне друг от друга, я ни за что не поверю – не великий знаток теории вероятностей, но, насколько помню, таких совпадений она не допускает... Ну не стыкуется, в мать... По отдельности я с превеликой натяжкой могу поверить и в фаршированные героином стулья, и в Куала-Джампур, но в то, что это состыковалось посреди нашей действительности... Тут пишут, что пакетик у него обнаружили в кармане пиджака. При известной ловкости рук подкинуть нетрудно – в салоне самолета меньше всего опасаются щипачей, особенно на выходе, когда все радостно и весело устремляются к трапу. Никто не смотрит ни за своими карманами, ни

за чужими. Я иду за тобой, выбираю момент, одно движение – и «снежок» у тебя в кармане. Потом подхожу к ближайшему полицая... нет, иду к ближайшему телефону и стучу, как законопослушный гуманоид. Репутация у наших за рубежом соответствующая, никто и не удивится. Между прочим, подбросить порошок в контейнер даже легче. Контейнер шел в Байкальск из Владика, за это время при некотором навыке можно подкинуть хоть атомную бомбу. Знаешь, как я сам это сделал бы? Сунул нос в фактуры – а это можно за десяток баксов сделать на нескольких этапах – выяснил характер груза, купил в твоём же магазине несколько аналогичных стульев, зарядил их порошком и подменил за пять минут. Пломбы – пустяк... Если Хоменко скажет, что «фаршированные» стульчики находились у самых створок, уверенности у меня еще более прибавится. Но у меня ее и сейчас достаточно. Уже сейчас. Вдобавок и с Ивлевым разворачивается что-то совершенно сюрреалистическое. Мне не нравится такой накал сюрреализма вокруг отдельно взятой фирмы. А в совпадения перестал верить давненько. Вот и все скороспелое резюме. Без знания деталей дальше и не стоит пока что умствовать.

– Резонно, – кивнул бывший сослуживец по кремлевским синим погонам. – И то, что иные газетки очень уж торопливо твякнули, на гипотезу насчет наезда прекрасно работает...

– Ага, – сказал Данил. – Уже и пресса?

– Ты еще не видел?

– Какое там, как явился с рассвета ментенок...

– Посмотри у себя, – Кузьмич лишил фильтра еще одну сигарету. – И вот теперь, Данил, возникают любопытнейшие моменты и коллизии. Мелкая сямка не затеет провокации ценой в пятьдесят тысяч баксов – даже больше, если приплюсовать расходы на Куала-Джампур и бдительность таможи. Такая бдительность, как закон, требует отдельных премиальных... Плюс смазка прочих байкальских колесиков, мы оба прекрасно знаем, как делаются такие дела, сами смазчики не из ленивых... Органы провели бы все это иначе, совершенно иначе... Так вот, я с утра и до обеда ломаю голову, но и не отыскал даже тени кандидата во враги. В Байкальске мы никому не наступали на хвост и не пытались прокопаться на чужие делянки. Никто даже и не пробовал объявлять претензию, никаких «стрелок». И потом ради чего все это затеяно? Пусть даже Бударин через месяц покажет, что ввозил героин по моей личной просьбе, а за рубеж готовился вывезти атомную бомбу, для меня все кончится мельчайшими неприятностями. Если я в чем-то и уверен, так это в том, что сижу здесь прочно. Те, кто на меня малость обиделся после того, как я у них перехватил алюминиевые акции и баварский контракт, подобной дури затевать не стали бы – еще и оттого, что угол падения равен углу отражения, мы тоже можем кое к чему привлечь внимание честнейших следователей и неподкупной прессы...

– Может газетная шумиха повлиять на мнение баварцев? Контракт еще подписать нужно...

– Глупости, – отмахнулся Кузьмич. – Какое дело баварскому общественному мнению до наших разборок? Вот если бы геноссе Панцингер обошел каких-то своих тамошних конкурентов, они вполне могли организовать лай в прессе, но – там. Во-первых, конкурентов у него не было. Во-вторых, им чихать на наши методы – пока отходы производства падают на наши леса...

– Вот что... Я в эти дела до сей поры, согласно уговору, носа не совал... По линии «заимки» никаких сюрпризов не может грянуть?

– Никаких. Пока здесь при губернаторе распоряжается драгметаллами субъект, ласково именуемый Соколик, а в столице гуляет без наручников миляга Парамоныч. Оба сидят прочно.

– Хочется верить... – сказал Данил. – А столичные интриги по линии Гильдии товаропроизводителей? Скажем, кое-кто, узнав, что Георгий Скобков, отец наш и вождь, решил

баллотироваться в президенты, начинает отстрел с периферийных связей означенного Скобкова?

– Гипотеза не столь уж идиотская. Но могу тебя заверить – мне непременно последовал бы звоночек из первопрестольной. При малейшем намеке звякнул бы колокольчик. Везде сидят такие же, как ты, только у иных перед словом «майор» еще одно значится...

– Тогда – шизанутая бабуля, – задумчиво сказал Данил.

– Какая еще бабуля?

– Рабочий термин, – сказал Данил. – Совершенно непредвиденная угроза со стороны не поддающегося просчету гуманоида. Кошмар всех телохранителей и разведок. Как одиночка-изобретатель для большого бизнеса. Понимаешь, можно грамотно и толково просчитать с помощью лучших в мире ЭВМ и аналитиков все варианты действий профессионалов. Взять под колпак и набить стукачами все экстремистские тусовки – от «красных бригад» до «зеленых». Но в один далеко не прекрасный день, как это случилось с Рейганом, выскочит, как чертик из коробочки, «чудак», которого невозможно было предвидеть и просчитать. Поганый психопат заочно влюбился в смазливую кинозвездочку, которая не села бы с ним на одном гектаре. И от горя шарахнул в законно избранного президента – чтобы прелестная избранница в газетах о влюбленном пингвине прочитала... Конечно, вокруг в мгновение ока замельтешили лбы с автоматами наперевес, мигом навешали злыдню по соске, заслонили отца нации, но пару пуль он уже получил. Улавливаешь?

– Улавливаю. Я, стало быть, задавил своим «Шевроле» единственного любимого котика нервной бабули? А бабуля выгребла из чулка охапку зеленых и отправилась строить пакости?

– Примерно так, – сказал Данил. – И вообще, товарищ Сталин о подобной ситуации выразился с присущей ему лапидарностью: «Не тот враг опасен, который себя выявляет. Опасен враг скрытый, которого мы не знаем». А уж Виссарионыч, несмотря на все дерьмо, каким его облили, толк во врагах понимал... Нам остается либо разрабатывать вариант «шизанутой бабули», либо признать, что пошли косяком нереальные роковые совпадения. Но я тебе скажу честно: для разработки обоих вариантов пока что маловато информации. Я сейчас пойду пробегу газеты и потолкую со своими, но все равно, пока не приедет Хоменко, версий строить не берусь... – он поколебался. – Будут санкции на «кризисную ситуацию»? Хотя бы третьей степени?

Теперь колебался Кузьмич. Задумчиво вертел вокруг оси массивную черную пепельницу, украшенную незамысловатым гербом Баварии – косые ромбы, белые и синие, увенчанные короной, сочетание цветов то же, что на израильском флаге, даже пикантно... Признаться, Данил не рассчитывал даже на третью, самую низшую степень «кризисного варианта» – ИКЛ сидел в Шантарске прочно, словно слепоглазая каменная баба на вершине кургана, пережившая за века долгую череду проносившихся взад-вперед ватаг конных бездельников, народов, чьи имена нынче забыли напрочь...

– А сам ты как думаешь? – не отрывая взгляда от пепельницы спросил Кузьмич.

– Я бы на всякий случай объявил «строгую охрану», но не более того.

– Вот и объявляй. Благословляю.

– А дальше – будем ждать. Если наша бабуля хочет предъявить претензию, обязательно предъявит. Решит она бегать по чердакам со снайперской винтовкой, могла бы это сделать уже давно... Что до Ивлева, я оставил на квартире засаду. И ближе к ночи засяду там с ними сам. Ключи забирают, чтобы непременно прийти. Мелкота не работает перышком столь профессионально и не оставляет при покойнике деньги с золотом.

– Но что там может быть в квартире?

– Ничего, – сказал Данил. – Я, правда, не отдираю обои и не снимал половицы, но Ивлев этого тоже не делал...

– У него были выходы на Байкальск? Знакомые, родня, связи и тому подобное?

– Не припоминаю что-то, – сказал Данил. – Поищем, конечно. Я по этому вектору еще и не пытался пройти...

– А что с твоим ментом? Может, возмутишься? Позвоним Дугину...

– Не стоит гнать лошадей, – сказал Данил. – Лично я незлопамятен, у меня хватает других возможностей для самоутверждения. Не стоит показывать, что мы придаем этому хоть какое-то значение. Да и потом выгоднее для дела поддерживать с ним светские отношения. Понимаешь ли, он определенно играл. Нет, я уверен, что совершенно правильно отнес его к «идеалистам», но все же пацан в своем идеализме и благородной пролетарской ненависти переживал чуточку. Хотел, чтобы я принял его за стопроцентного Павку Корчагина. Но он, зуб даю, потоньше и поумнее... Технику эту, в которой он работал, у нас на жаргончике называли «надувать маску». Гиперболизировать иные присущие тебе черты характера. А я ему преподнес прием под названием «гнать туман».

– Это как?

– Чтобы оставалась полнейшая зыбкость и неуверенность – во всем, что касается моего нрава и характера. То я ему недвусмысленно хамлю, чего вполне логично ожидать от зажавшегося частного гестаповца, то вроде бы делаю попытку встать на задние лапки перед сизым мундиром, словно нашкодивший алкаш, то беру его за отворот, как простой мужик простого мужика, и предлагаю: «Ну не, земля, давай побазарим по-путнему». Перескакиваю с одной тактики на другую, чтобы впечатление от меня осталось самое сумбурное... Можно было, конечно, послать его восвояси, то тогда все детали мы узнали бы через сутки-двое...

– Ты уверен, что ствол не подкинули?

– Вот это, наверное, единственное, в чем я посреди всей фантасмагории четко уверен, – сказал Данил. – В противном случае игра получалась бы столь сверхсложная, что просто не имела права на существование. Но где-то же он, сукин кот, раздобыл совершенно неподходящий к его личности ствол?.. И зачем? Ты-то сам что о нем думаешь?

– Да ничего. По работе замечаний не было, он меня вполне устраивал. А в остальном – ты держишь досье на всех, не я. Есть там какие-нибудь заусеницы?

– Никаких, – сказал Данил. – Биография короткая и незамысловатая, все проверки проходил успешно и до меня, и после... Теперь вот что. Вопрос нескромный, но вызванный профессиональной необходимостью. Со Светланой Глаголевой у тебя что-нибудь было? Ты ее просто обязан был знать. Только на моей памяти Ивлев с ней трижды появлялся на банкетах по «красным дням», и ты все три раза присутствовал очень даже демократично... В память такая дама западает. Не так уж много на тех банкетах было общества...

Кузьмич хмыкнул, покривил губы:

– А сам ты не докопался? Я же прекрасно помню, как твоя наружка вышла на Кирочку...

Данил ничуть не смутился:

– Наружка эта в первую очередь твоя, я ж тут – кондотьер, пусть и на проценте. Насчет Кирочки – извини, служба. Я обязан был думать и о том, что у ее мужика мог забродить ген ревности, чтобы не устроил он на тебя охоту с утюгом наперевес... Хочешь убедительные примеры из анналов секретных служб? По таким мотивам, случалось, и королей мочили, прежде чем охрана успевала среагировать... Взять хотя бы...

– Ладно, верю. Светлану, конечно, на тех банкетах не заметил бы только гомик. Но я, слава богу, был о ней немного наслышан. Терпеть не могу проходных дворов, куда забредает отлить каждый, кому не лень... Месяца три назад она в «Хуанхэ» пыталась меня снять самым недвусмысленным образом, хотя и весьма светски. Пришлось столь же светски отшить. У тебя на нее что-нибудь есть?

– Сам не знаю, – сказал Данил. – Чувствую определенное неудобство под ложечкой, только-то и всего. Ивлев и после развода к ней захаживал, к тому же кое-кто из здешних конторских кадров с ней накоротко знаком. Если наша «бабуля» будет искать подходы, лучшего канала не найти. Нимфоманка-пофигистка – это широкое поле деятельности для кого угодно...

– Ты, главное, с ней поделикатнее, если возьмешься проверять. Батяня у нее мужик серьезный. Хоть и махнул на нее рукой, но отец есть отец. А дергать его за усы – чревато... Весьма. – Кузьмич посмотрел на него с непонятной ухмылочкой. – А тебя вдобавок видели в обществе ее младшей сестрички. В «жареной птичке».

– Интересно... Кто же это меня видел?

– Зрячие, – ухмыльнулся Кузьмич. – Личная разведка. Смотри, поосторожней. Всех нас в этом возрасте порой тянет на соплюшек, дело вполне житейское, благо и нынешние соплюшки не чета пионерочкам из нашей юности, вгонят тебя в краску быстрее, нежели ты их... Но «берлинский бригадир», я наслышан, востер отрывать яйца и в дочке души не чает. А стукачей в «Птичке» немерено – любых и всяческих.

– Надо же, а я и не знал... – сказал Данил. – Могу тебе выдать профессиональную тайну – пленки с баварцами как раз она мне и переводила, младшенькая. Девочка работает вполне грамотно – толмачит хорошо, язык за зубами держит, денежка ее устраивает...

– Все равно, кончай. Кто его знает, папашу, от такого он может еще сильнее разъяриться. Под самым его носом частные фирмачи вербанули малышку... Я о нем наслышан, самую малость. Знаешь, к кому надлежит относиться серьезнее всего? К орлам вроде Глаголева. Есть стопроцентные воры и стопроцентные идеалисты. И тех, и других надо попросту держать на расстоянии и не брать в дело. А вот помесь... Те, кто под шумок толканет бесхозный отныне аэродромчик, но в то же время родной землицы не продаст и пяди, – они-то самые опасные и есть. Поскольку – помесь... Ну, тебе-то что объяснять?

Данил грустно усмехнулся, глядя в стол. Если честно, они оба как раз и были той самой помесью...

Все правильно. Так он и поимел свой первый вклад в зарубежном банке, когда родная армия уходила из бывших братских заграниц, ставших в одночасье неизвестно чем, но уж никак не братанами...

Первоклассный военный городок с системой бензоколонок и танкоремонтным заводом являл собой чрезвычайно лакомый кусочек, особенно если купить задешево – благо по документам он проходил как скопище полуразрушенных халуп. Что пяти ревизорам, Данилу в том числе, следовало удостоверить своими автографами – понятно, за хороший процент, полученный от того, кто приобретал эти лачуги за бесценок, чуть ли даже не по доброте душевной выручая бывших советских братьев.

Разумеется, можно было не подписывать, разыграв несгибаемого честнягу-идиота из тех убогих фильмов об ужасах и всепроникающей коррупции западной жизни, которые с превеликой охотой пекли дюжинами еще не нанюхавшиеся национального самосознания прибалты. Но Данил вовремя понял, обобщая и анализируя: все решено заранее, на уровне, исключаящем всякие разоблачения, постановлено, что движимое и недвижимое будет загнано по-тихому. До иных высоких кабинетов он попросту не добрался бы – да и в тех кабинетах то ли не могли уже, то ли неспособны были хоть что-то изменить, а в некоторых и вообще восседали новые фигуры, вынырнувшие неизвестно откуда и неизвестно зачем. Ситуация, когда решительно всем решительно на все наплевать, хуже любого заговора... «Старшие братья» уходили навсегда, а новым хозяевам купленных по дешевке богатств тем более не было никакого интереса выслушивать излияния честных идиотов, очень уж хозяева вдобавок ко всему торопились после долгой разлуки вновь слиться в экстазе с «общеевропейским домом». Купля-продажа зарубежного войскового добра, словно

отлаженная и смазанная машина, бесшумно и могуче заработала с таким размахом, столь буднично и просто, что у правдоискателей не было и одного шанса из миллиона.

Самое смешное, равно оно же и самое печальное, заключалось в том, что никто вопреки вышеупомянутой киноключке прибалтийского разлива и пальцем бы его не тронул – ни снайперские винтовки от лучших фирм, ни выныривающие из-за поворота на бешеной скорости асфальтовые катки. Таковы уж были размах в сочетании с будничностью. Любому правдоискатель стал бы кем-то вроде одинокого шизика-вегетарианца, примостившегося с плакатиком на груди у ворот огромного мясокомбината – никто не гонит его в шею и даже не зацепляет насмешками, все проходят мимо, хмыкая мимолетно под нос...

В конце концов, сказал он себе тогда, все это ничуть не ново. Кого сейчас интересует, что новгородцы регулярно вышибали Александра Невского в изгнание за вольности с городской казной, что светлейший князь Потемкин прибирал к рукам казенные денежки с простотой ребенка, узревшего на столе варенье, а славные сталинские маршалы волокли трофеи поездами и самолетами? Все это теперь, как говаривал дед Щукарь, покрыто неизвестным мраком, и в большой истории нет места столь неприглядным подробностям. И не нужно кивать на исконную якобы российскую клептоманию – заграничные деятели были ничем не лучше. А если ты еще к тому же вовсе даже не историческая личность, к тому же напрочь перестал понимать, в какой стране живешь и куда она, твоя страна, катится...

Словом, он плюнул и смиренхонько поставил автограф. А потом вдруг обнаружилось, что у него есть счет, и на счету почивают десять тысяч долларов. Вот так он и потерял невинность. Кто без греха, пусть первый бросит в него камень...

Самое пикантное, что и босс Кузьмич являл собою, если вдуматься, ту же помесь – атамана Кудеяра с Генри Фордом. Так уже не единожды случалось в истории. Одни и те же люди пиратствовали на всех морях, а на берегу покровительствовали наукам и искусствам (завезши попутно в Англию табак), во время тюремных отсидок за разбой сочиняли философские трактаты и сонеты, основывали спяна академии и протыкали шпагой соперника в темном углу. Кости соперников и жертв пиратских налетов истлели, а вот сонеты с академиями остались...

Таковы уж правила игры, выдуманные отнюдь не самими предпринимателями. Вполне возможно, сами они строили бы капитализм умнее и грамотнее, не виси у них над душой политики, в одночасье воспарившие из грязи в князи...

Вряд ли тот же Кузьмич когда-нибудь переедет в заграницы, хоть и обзавелся на всякий случай «двухспальным английским левою», британским «колонияльным» паспортом, выхлопотанным ему властями крохотной страны Белиз после серьезных его вложений в тамошнюю экономику.

Из России стоит уезжать навсегда лишь в одном-единственном случае, если у тебя загорелась земля под ногами. Даже те из евреев, кто оборотистее и смекалистее, не спешат на историческую родину. В зарубежном коловращении тебе независимо от содержания пятой графы всегда будет отведена второсортная роль – там, на той стороне, все границы и флажки давным-давно установлены предельно четко, заняты все сидячие места, ложки расхвачаны. Импортные люди столбили и обихаживали свои участки лет двести, а то и подольше. Бога ради, тебе продадут особняк с садом хоть по соседству с Букингемским дворцом – вот только, как ты ни бейся, никто тебя не пропустит в совет директоров «Сименса» или «Макдонелл-Дуглас»...

– Ладно, – сказал Данил. – Не буду я с ней больше играть. Хоть и жалко – неплохо работала, право. А вот поговорить еще раз поневоле придется. Мне дали наводку, что она в последнее время общалась с Ивлевым, обязательно нужно расспросить.

– Ну, коли так... Тогда хоть разыграй случайную встречу, что ли, не мне тебя учить...

Данил внимательно посмотрел на него:

– Глаголев что, пробовал тебя как-то достать?

– С чего ты взял? Мы, слава богу, вне его интересов.

– Их интересы – понятие растяжимое, как презерватив, – сказал Данил. – У нас же свобода, а посему каждый занимается чем хочет, благо партия больше не надзирает... Между прочим, я спрашивал вполне серьезно. После случая с «Барсуком» у меня осталось стойкое впечатление, что означенного Барсука к нам виртуозно подводи́ла государственная спецслужба, и это не ГБ и не менты.

– А доказательства?

– Вот потому-то, что здесь определенно пахло серьезной государственной спецслужбой, я и не мог устроить ему randevu с паяльником, – сказал Данил. – Какие тут доказательства? Голое чутье.

– Чутье... – поморщился Кузьмич. – У меня тоже иногда появляется в последнее время неудобство под ложечкой, как ты изволишь выразаться. Но к этому бы еще и фактов...

Данил, заложив руки за спину, подошел к окну и уставился вниз, на стоянку, обнесенную изящной металлической решеткой.

Стены в купеческом особняке, как положено было по тогдашним стандартам, клали толщиной чуть не в метр. И подоконники, понятно, оказались соответствующей ширины. Что позволило без труда вмонтировать меж двойными рамами динамики защитной системы, ставившей неодолимую преграду для посторонних слухачей, вооруженных последними достижениями науки и техники. Лазерный луч, по вибрации стекол расшифровывавший любые разговоры внутри, наткнулся на невидимую броню из хаоса акустических колебаний. Да и место для особняка Буддыгин в свое время выбрал, словно бы заранее предчувствуя, что когда-нибудь появятся лазерные микрофоны и снайперы – любую подозрительную машину изнутри заметят моментально, а окрестные здания достаточно далеко, не зря КГБ в свое время именно тут и обосновался. Странно, что домом так никогда и не заинтересовался обком...

Если у вас будет свободное время, приглядитесь как-нибудь к зданиям бывших обкомов и крайкомов – с точки зрения террориста, собравшегося пальнуть прицельно по окну из винтовки или гранатомета. И убедитесь, что шансов у вас изначально не было бы: здания окружены либо широким пустым пространством, либо всевозможными конторами и прочими присутственными местами, по чьим коридорам вам ни за что не удастся шастать со снайперской винтовкой... А если и затесался поблизости жилой дом, то его окна непременно выходят на те кабинеты, где в коммунистические времена обитала лишь сошка мельче мелкого. Умели люди строить...

– Так, – сказал он вдруг. – Интересно. Только этих шизиков нам под дверями не хватало для полного счастья.

– Каких еще шизиков?

– Иди посмотри, – сказал Данил. – Они определенно к нам держат курс.

Кузьмич встал рядом. От ближайшего дома, расположенного метрах в четырехстах, к автостоянке крайне целеустремленно двигалась кучка людей в синих балахонах, расписанных странными, неразличимыми на таком расстоянии золотыми иероглифами. Человек сорок. Кое-кто держал под мышкой свернутые бумажные рулоны. Прохожие поглядывали на них без особого любопытства – давно насмотрелись и притерпелись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.